

Читайте:

4 Наталия ЕЛИЗАРОВА, Наталья ПЕТРОВА:
Дорога в Арктику

16 Михаил КОНЬШИН:
Время добрых перемен

6 Анна ЧЕРКАСОВА: Снеговик Федя
Лита ЛИ: Красный камень

20 Игорь ОЗЁРСКИЙ:
Место

8 Княгиня М.К. ТЕНИШЕВА:
Впечатления моей жизни

22 Екатерина РОМАНОВА:
Цветочные поляны Елены Пимкиной

12 История с географией:
Золотое кольцо России: Сергиев Посад

28-30 У нас в гостях поэты из Удмуртии: Алексей ШИХАЛЁВ, Виктор МАНЬКОВ, ОЛЕГ ОГЛЕЗНЕВ

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»

Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92

Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru

Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 27, пом. 9

Главный редактор: Елена Николаевна ГОДЛЕВСКАЯ

Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор РФ).

Геннадий МАЙОРОВ

В этом году мы отмечаем 225-летие великого поэта Александра Пушкина. Эта дата стоит особняком. В честь знакового юбилея Союз российских писателей и Академия изящной словесности «Орлея» объявили Всероссийский литературный конкурс «Спасите пушкинский язык!». Надо отметить небывалый интерес молодых дарований к русскому языку и литературе. Только за первый месяц в жюри уже поступило свыше 150 заявок. Много желающих из Донбасса, Запорожской и Херсонской областей. География обширна, конкурсные работы присылают практически со всех уголков России, а также Узбекистана, Казахстана, других территорий СНГ.

2024 год — это и 100-летие Виктора Астафьева, Бориса Васильева, Булата Окуджавы, Юлии Друниной, Николая Старшинова и Владимира Богомолова, и 300-летие Иммануила Канта. А ещё мы будем вспоминать Даниила Гранина, которому исполнилось бы 105 лет, сказочника Павла Бажова (145 лет), русских писателей Виталия Бианки (130 лет) и Евгения Замятина (140 лет). Вспомним, что 13 февраля – 255 лет со дня рождения писателя и драматурга Ивана Крылова (1769–1844). Кто не знает его басен «Ворона и Лисица», «Квартет», «Стрекоза и Муравей»? 9 марта – 210 лет со дня рождения украинского писателя и художника Тараса Шевченко (1814–1861), написавшего «Кобзаря», «Наймичко». 15 марта – 100 лет со дня рождения русского писателя Юрия Бондарева (1924–2020), автора повестей «Берег», «Горячий снег», «Выбор». 16 марта – 140 лет со дня рождения русского писателя-фантаста Александра Беляева (1884–1942): «Человек-амфибия», «Голова профессора Доуэля», «Человек, потерявший лицо».

А 1 апреля вспомним, что исполняется 215 лет со дня рождения Николая Гоголя (1809–1852): «Вий», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Мёртвые души». Несомненно, отметим 23 апреля – 460 лет со дня рождения английского поэта и драматурга Уильяма Шекспира (1564–1616): «Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Сон в летнюю ночь».

Не пройти и мимо 20 мая – 225 лет со дня рождения французского писателя Оноре де Бальзака (1799–1850), автора бессмертных романов «Шагреневая кожа», «Блеск и нищета куртизанок»...

23 июня – 135 лет со дня рождения русской поэтессы Анны Ахматовой (1889–1966): «Чётки», «Реквием».

И этим перечислением не исчерпывается список знаменитых юбиларов.

Читайте, друзья, классиков. Это поистине книги жизни!

№47' март 2024

Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:

РИФ «3-е ИЮЛЯ»

СОЮЗПИСАТЕЛЕЙ-57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02

Письма и документы направлять по E-mail: bobclub@mail.ru

Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1)

Вышло в свет 135 номеров

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ

Литературный редактор
Наталия Михайловна ЕЛИЗАРОВА

Дизайн, вёрстка: GM

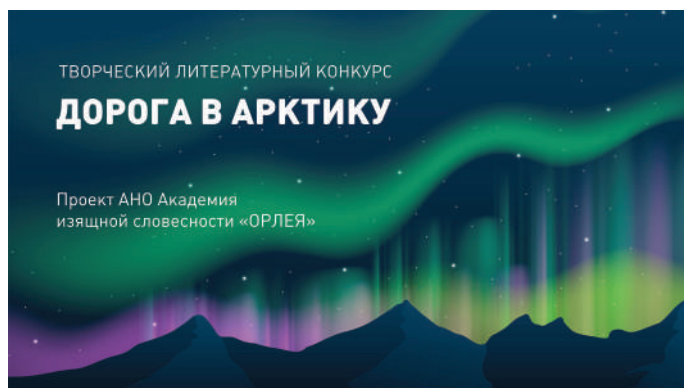
Подписано в печать 01.03.2024 г. Выход в свет: с 01.03.2024 г.

Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа «Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)

Заказ №47-НО+ Цена свободная

Редакция оставляет за собой право отклонить и не комментировать присылаемые материалы без объяснения причин

12+

Жюри уже принимает заявки на Всероссийский литературный конкурс «Дорога в Арктику», который посвящён памяти выдающихся деятелей нашего общества, исследователей Арктики: Г.Я. Седова, А.В. Колчака, С.И. Челюскина, И.Д. Папанина и завершается мероприятиями, приуроченными к 150-летию В.А. Русанова.

Учредителем Конкурса является АНО «Академия изящ-

ной словесности «ОРЛЕЯ» при поддержке комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики, Минвостокразвития России, Ассоциации союзов писателей и издателей России, Союза российских писателей, Орловского краеведческого музея и Дома-музея В.А. Русанова, Российского государственного музея Арктики и Антарктики, Ассоциации полярников России и других информационных партнёров.

Конкурс состоит из трёх этапов:

февраль – май 2024 года,

июнь – ноябрь 2024 года,

январь – май 2025 года.

Возраст участников: от 13 до 25 лет.

Заявки в номинации «проза» и «поэзия», соответствующие тематике конкурса, принимаются на электронную почту KONKURS.RUSANOV2024@GMAIL.COM.

Полная информация о конкурсе и Положение на сайте: <http://союзписателей-57.рф/конкурсы-2/>

ВКонтакте: <https://vk.com/club224243910>

в ТГ-канале: https://t.me/AIS_ORLEYA

Наталья Михайловна ЕЛИЗАРОВА поэт, прозаик, филолог, генеральный директор Академии изящной словесности «Орлея», организатор конкурса «Дорога в Арктику»

– Наталья Михайловна, расскажите, что за проект «Дорога в Арктику»? Почему такое название у литературного конкурса?

– Уже много лет я вхожу в жюри различных литературных конкурсов, четыре года была членом Оргкомитета премии «Антоновка.40+», с Орловским региональным отделением Союза российских писателей мы сделали ряд детских и молодёжных проектов, поэтому идея творческого конкурса для детей и молодёжи не нова, как не нова и сама идея наставничества.

– То есть вы позиционируете себя наставником для молодого поколения?

– Я люблю русский язык, люблю литературу, имею определённый ряд компетенций и могу передавать свои знания, параллельно прививая любовь и уважение и к родному языку, и к хорошим книгам.

Возвращаясь к Вашему вопросу о названии. Я сама очень люблю путешествия, я была более чем в 40 странах, в том числе на Марианских островах, в Японии, на Аляске. При этом я очень люблю свою Родину, всю центральную часть России я объехала на машине. С теплом вспоминаю литературные фестивали, на которых побывала: на Байкале, в Казани, Твери, Ленинске-Кузнецком и Кемерово, Мурманске и других городах. Поэтому тема путешествий мне близка, как никакая другая. Почему Арктика? Потому что там я ещё не была (смеётся).

Если говорить серьёзно, то в Орле есть Дом-музей путешественника и полярного исследователя В.А. Русанова – почти незаметный серый домик на одноимённой улице. Но внимательный взгляд сразу отметит, какой он красивый, гармоничный. А сколько интересного внутри! Это же классическая история: то, что мы видим каждый день, уже почти не замечаем. Так и жители Орла проходят мимо этого чуда, а приезжие в восторге. Недавно в музее побывал (с моей подачи) доктор филологических наук, профессор Васильев Сергей Анатольевич и отозвался так: «Спасибо за совет: в день отъезда посетили музей Русанова, впечатления сильные!» Финал жизни этого учёного и исследователя окутан тайной, экспедиция Русанова пропала без вести. Её поиски напоминают поиски экипажа «Святой Марии» в романе Каверина, поэтому считается, что Русанов был прототипом одного из двух капитанов. Так ли это – можно узнать из «Письма читателям В. Каверина (об истории создания романа Два капитана)».

– Наталья Михайловна, кто ещё выступил в поддержку проекта?

– Мы сотрудничаем с Российским государственным музеем Арктики и Антарктики (Санкт-Петербург), Ассоциацией полярников России, министерствами культуры северных регионов, музеями, в том числе Таймырским краеведческим музеем, Северным морским музеем, Музейно-выставочным центром Шпицбергена, Комитетом Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики.

Нас также очень поддерживают люди, согласившиеся войти в жюри конкурса. Это детские писатели: Елена Усачёва, Софья Ремез, Лита Ли, Анна Черкасова, Ксения Жукова и другие; директор Орловской детской библиотеки им. М.М. Пришвина – Ирина Александровна Никашкина (именно она в прошлом конкурсе отсеяла много плагиата) и даже почётный полярник России – Виктор Ильич Боярский...

Наталья Викторовна ПЕТРОВА, директор Российского государственного музея Арктики и Антарктики:

– Наталья Викторовна, сейчас Вы возглавляете Музей Арктики и Антарктики, но раньше работали в музеях-заповедниках «Царское село», «Павловск», в Историко-литературном музее в Пушкине. Считаете ли Вы, что география, история и литература имеют между собой много общего?

– Чем больше читаешь книг и погружаешься в тему, тем отчётливее понимаешь, как причудливо связаны события между собой. Например, первый директор музея Арктики, Н.В. Пинегин участвовал в 1912 году в экспедиции под руководством Г.Я. Седова, они собирались достичь Северного полюса. Экспедиция была приурочена к 300-летию дома Романовых. В составе экспедиции были два выпускника Царскосельской гимназии: Владимир Визе, исследователь, океанолог, и Михаил Павлов, геолог, одноклассник Николая Гумилёва. Также в экспедицию в качестве художника был приглашён Николай Пинегин, снявший первый кинофильм об освоении Арктики. По пути домой экспедиция Седова обнаружила штурмана Альбанова и матроса Конрада – спасшихся членов экспедиции Брусилова. Позже Пинегин уехал в эмиграцию и издавал книги на основе полярных дневников, общался с Алексеем Толстым и Максимом Горьким. Вот какое переплетение судеб. Или ещё один пример: Юлий Шокальский, петербургский географ и гидрограф, председатель Русского географического общества) был внуком Анны Керн. А свой псевдоним Каверин (настоящее имя Вениамин Зильбер), автор «Двух капитанов», позаимство-

вал у друга Пушкина – Петра Каверина, гусара Царскосельского гарнизона, борца за справедливость.

– Чем уникален музей Арктики и Антарктики?

– Музей находится в здании бывшей церкви, въехал сюда в 1933 году. Специально для музея были изготовлены диорамы. У музея два этажа экспозиции и участок земли за оградой, куда мы высадили северные растения. Мы регулярно проводим встречи с полярниками и учёными в рамках проекта «Полярная гостиная», где слушателям доступным языком рассказывают о Севере. Очень много бывает бытовых вопросов, например, про питание в условиях низких температур. Наш музей входит в секцию арктических музеев Союза музеев России, мы участвуем в конференциях, фестивалях, организуем выставки. Наш музей – единственный, кто занимается двумя полюсами.

Я надеюсь, что участники конкурса «Дорога в Арктику», готовя свои произведения, узнают больше о географии нашей страны и об истории освоения Арктики.

И добро пожаловать в наш музей!

**ФГБУ «Российский государственный музей Арктики и Антарктики»
191040, Санкт-Петербург, ул. Марата, 24 а,
тел: +7-931-978-83-20**

В библиотеке имени Пришвина города Орла состоялось открытие Всероссийского литературного конкурса «Дорога в Арктику». Спасибо директору библиотеки Ирине Александровне Никашкиной, а также Дому-музею Русанова и научному сотруднику музея Татьяне Дмитриевне Крыловой за сотрудничество и интересные факты из жизни знаменитого орловца. И, конечно, спасибо ребятам, пришедшим узнать побольше о полярных исследователях и своём земляке В.А. Русанове.

В рамках мероприятия авторский экземпляр журнала «Гайдаровские искры» получил участник нашего предыдущего конкурса Арсений Ашихмин. Его рассказ «Я нужен» был отмечен Оргкомитетом.

Ждём ваши работы на тему «Путешествие» на первый этап конкурса по адресу:

KONKURS.RUSANOV2024@GMAIL.COM.

Анна ЧЕРКАСОВА – детский писатель, член Союза детских и юношеских писателей. Автор публикаций в журналах для детей: «Солнышко» (Нальчик), «Чердобряк» (Пенза), «Вверх тормашками» (Киров), «Радуга» (Сыктывкар), «Шалтай-Болтай» (Великобритания), «Филчер» (Пенза). В ближайшее время выйдут две книги писательницы – сказочный детектив и фантастика для младших школьников.

Я желаю удачи всем участникам конкурса. Пусть этот опыт станет не просто способом испытать свои силы, шансом получить публикации и награды. Ведь творчество – это особый путь познания мира и познания самого себя. А работа над такой интересной темой, как исследование Арктики, превратит ваш труд в настоящую «машину времени». С её помощью каждый сможет перенять духовный опыт предыдущих поколений, преодолеть границы эпох, получить возможность общения с интересными людьми прошлых столетий.

СНЕГОВИК ФЕДЯ

Однажды у нас во дворе поселился снеговик. Я проснулся утром, выглянул в окно – а там всё в снегу. Весь наш двор, деревья и крыша дома напротив белые.

А посреди двора стоит огромный снеговик. Утро ещё было такое раннее, что даже нашего дворника нигде не видно. И даже следов никаких на снегу нет.

В доме напротив горело всего несколько окон, одно из них – Дашино. Мы с Дашей недавно познакомились на прогулке и много болтали обо всём.

Даша тоже смотрела в окно на снеговика. Я ей помахал рукой несколько раз, и она меня заметила.

Потом пришла мама и сказала, что наконец-то наступила настоящая зима.

Когда мы пошли с мамой в магазин, то увидели, как дядя Вова из второго подъезда вышел из дома с ведром и надел его снеговика на голову. Чтобы уши не продуло, сказал он мне.

На следующее утро я выглянул в окно, а снеговика нашего кто-то морковку на место носа приделал.

Я потом гулял во дворе, и Даша тоже гуляла. Она сказала, что это они с папой морковку снеговика принесли. Я маму тоже попросил что-нибудь снеговика подарить, и она разрешила взять мой старый шарф. Я тут же укутал в него снеговика. Наверное, ему стало сразу теплее.

Погода была зимой морозная, и снеговик всё стоял и стоял. Соседи к нему привыкли, некоторые даже с ним здороваться начали. А дворник так и вовсе со снеговиком нашим подружился. Почистит снег, а потом стоит с лопатой

около него, отдыхает, жалуется на кого-то.

А ещё дворник отдал снеговика свою старую метлу и дал ему имя.

– Это, – говорит, – Фёдор Степаныч. Когда меня нет, он во дворе за главного.

Вот так и жили мы всю зиму с Федей. Он за порядком следил, а мы смотрели на него и радовались.

А потом пришла весна, и мама принесла обратно домой мой старый шарф. Вернее, Федин шарф.

Растаял наш Федя.

Я спустился во двор, а там вместо него – ком снега только. И так мне грустно стало, что я даже хотел заплакать. Но тут Даша из своего дома вышла.

Она призналась, ей тоже грустно было, что снеговика больше нет.

– Но мне, – сказала она, – папа объяснил, что вся вода из снега испаряется в небо, а потом опять на землю возвращается дождём или снегом. Так что и Федя наш вернётся будущей зимой.

Это ей так папа пообещал.

Я потом у своего папы спросил ещё раз, что это всё правда. И он тоже сказал, что снег снова выпадет тот же самый, что и растаял.

Так что, когда пройдёт весна, лето и осень и начнётся зима, мы с Дашей вместе слепим нашего Федю заново.

Кто-то же должен, пока дворника нет, за порядком тут следить.

ОРГКОМИТЕТ КОНКУРСА

Оргкомитет состоит из деятелей науки и культуры, приглашённых учредителем конкурса:

Сергей Александрович Шаргунов — российский писатель, журналист, председатель Ассоциации союзов писателей и издателей России, телеведущий, депутат Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, главный редактор журнала «Юность», потомок В.А. Русанова.

Дмитрий Александрович Моисеев — директор Орловского краеведческого музея.

Светлана Валерьевна Ветрова — директор Дома-музея В.А. Русанова.

Наталья Викторовна Петрова — директор Российского государственного музея Арктики и Антарктики (г. Санкт-Петербург).

Евгений Анатольевич Тенетов — директор Северного морского музея (г. Архангельск).

Николай Витальевич Велигжанин — писатель, кинодраматург, путешественник.

Фёдор Александрович Романенко — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Эмилия Викторовна Стамбровская — директор Таймырского краеведческого музея.

Лита Ли,
редактор и детский писатель

Дорогие участники конкурса «Дорога в Арктику»!

Как член жюри, я желаю вам всем, конечно же, удачи. Но не только. Пусть участие в этом конкурсе станет для вас ещё и дорогой к самим себе – тем путём, в котором вы узнаете что-то новое не только о Севере, но и о своих мечтах и целях, о собственной силе и качествах характера.

КРАСНЫЙ КАМЕНЬ

Отрывок из книги

Далеко-далеко на Севере, где царит вечная зима и дуют свирепые ветры, на берегу холодного Седого моря жил маленький белый медвежонок Бе́рнике. Он был очень добрым и любознательным, всё ему было интересно. Бернике задавал папе-медведю и старому медведедушке Ану́ку тысячу разных вопросов: почему у полярных медведей шубка белая, а нос – чёрный? А почему у зайцев и песцов летом меняется цвет, а у медведей нет? Почему медведи и плавают хорошо, и по земле могут быстро бегать, а морские животные, вроде моржей и тюленей, на суше такие неповоротливые? И вот ещё: а можно ли медведю дружить с человеком? Ну а если очень-очень хочется? А почему?.. Много, много вопросов задавал Бернике, и не всегда папа-медведь мог на них ответить. И даже медведедушка Анук, который был самым старшим и самым мудрым в медвежьем роду, порой не знал ответов и говорил только: «Так уж издавна повелось, внучок!»

Долгими полярными ночами Бернике восхищённо разглядывал звёздное небо и танцующее по нему северное сияние. Медвежонок любил смотреть и на свинцовые морские волны, в которых между льдинами то и дело мелькали смешные усатые морды тюленей, а иногда можно было увидеть длинный тонкий рог нарвала или чёрный плавник хищной косатки. Медвежонок Бернике любил строгую красоту Севера. А ещё он любил вкусную рыбу, которую ловил для него папа-медведь.

Но больше всего на свете Бернике любил девочку по имени Нэ́нни-Лу.

Нэ́нни-Лу была внучкой шаманки и понимала язык зверей и птиц, а потому совсем не боялась Бернике. Правда, родители девочки с опаской относились к её дружбе с медвежонком. Они постоянно твердили, что люди и медведи – извечные враги. А всё потому, говорили они, что медведь – зверь лютый и кровожадный. И все попытки людей дружить с медведями всегда, испокон веков заканчивались большой бедой. Давным-давно, в те времена, которых не помнят уж и старики, давным-давно, когда люди только пришли в эти северные края, хозяевами тут были белые медведи. И так как они не желали уступать свои земли чужакам, произошла страшная битва между людьми и медведями. И с тех пор навсегда – слышишь, дочка? навсегда! – мы враги. Так говорил отец Нэ́нни-Лу. А мать добавляла, что время от времени появлялся в племени людей смельчак, желавший стать другом медведям. Но всегда – слышишь, дочка? всегда! – это оборачивалось большой бедой. И только могущественные шаманы, такие, как бабушка На́ну, не боялись никакого зверя. Даже такого страшного и опасного, как медведь.

И когда маленькая Нэ́нни-Лу спрашивала бабушку, правда ли это, та хмурила брови и неодобрительно качала головой. Старая шаманка знала о войне северных людей и медведей, об их давней вражде. И о том, что медведи тоже сторонятся человека, не доверяют ему. Но она всегда говорила, что здесь, на холодном Севере, все должны быть заодно – иначе не проживёшь.

Ли, Лита. Красный камень : [для мл. и сред. шк. возраста; 6+] / Лита Ли ; ил. Анны Панкратовой. – М. : Пять четвертей, 2022.

Андрей Юрьевич Иванов — почётный работник общего образования РФ, учитель географии ГБОУ гимназия № 85 Петроградского района, действительный член РГО.

Алла Витальевна Громова — доктор филологических наук, профессор Московского городского педагогического университета.

Татьяна Евгеньевна Никольская — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Литературного института имени А.М. Горького.

Наталья Алексеевна Попова — кандидат педагогических наук, доцент кафедры Методики преподавания литературы Института Филологии Московского педагогического университета.

Светлана Владимировна Василенко — российский писатель, поэт, сценарист. Первый секретарь Правления Союза российских писателей.

Геннадий Николаевич Майоров — российский писатель, журналист, председатель Орловского регионального отделения Союза российских писателей.

Наталья Михайловна Елизарова — российский поэт, прозаик, филолог, генеральный директор АНО АИС «Орлея».

Елена Александровна Фролова — российский поэт, ведущий научный сотрудник Музея-квартиры А.Н. Толстого (отдела ГМИРЛИ), участник редакционного совета журнала «Веси».

95 лет назад ушла из жизни замечательная женщина, чья имя тесно связано с Орловщиной. Мы продолжаем публикацию отрывков из рукописи-воспоминаний княгини Марии Клавдиевны Тенишевой, удивительным образом дошедших до наших дней. Эту историю надо знать...

Певческий дебют. 1887, 26 апреля. Париж. 1880-е годы
Источник: Смоленский вестник

Княгиня М.К. Тенишева

ВПЕЧАТЛЕНИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ (Продолжение. Начало в №40)

XII

Париж. Академия Жюлиана. 1 апреля. Дом в Париже. Путешествие по Голландии. Бенау. Обер. Голубкина

Когда муж вышел из дел Брянского общества, мы поехали на зиму в Париж и поселились там в Елисейских полях, наняв две квартиры в двух этажах. Зима в этот год была необыкновенно сурова, и французское отопление с каминами, нисколько не согревавшее комнат, так нас измучило, что муж решил купить дом и устроиться в нём как следует, поручив мне подыскать что-нибудь подходящее.

Мне это весьма улыбалось, так как я поступила в Академию JULIAN [Академия Жюлиана], занимаясь под руководством Бенжамена Констана и Жана Поля Лорранса, надеялась с приобретением дома повести более оседлую жизнь и более последовательные занятия.

Раз уж судьба снова занесла меня в Париж, то нужно было воспользоваться пребыванием там и серьёзно заняться живописью. Нигде нельзя так хорошо сосредоточиться и работать, как в Париже. Он даёт всё для работы: обстанов-

ку, художественную культурную среду, прекрасных мастеров-учителей, интересные выставки и богатейшую историю искусств в своих бесчисленных сокровищницах – музеях и памятниках старины.

С Парижем у меня было связано столько воспоминаний, он был немного как родной город: в нём я училась петь, в нём же, во время своих прежних наездов, приобрела много неизгладимых художественных впечатлений.

Эту же зиму в Париже проводил и В.Ф. Голубев. Он часто бывал у нас и знал о моём желании приобрести лом. Однажды, первого апреля, я получила огромную корзину цветов, к которой бронзовой булавкой была прикреплена карточка Голубева со словами: "Радуюсь случаю сделаться вашим соседом. Я приобрёл дом 117 на Елисейских полях". Корзину эту принесли в присутствии мужа, и он был свидетелем моего неудовольствия, даже гнева. Я поняла, что Голубев хотел подразнить меня, так как я сама была в переговорах относительно этого дома. И ещё меня возмутила бесцеремонность Голубева, с которой он прислал мне эту скверную булавку на своей корзине. Я была так возмущена, что тут же хотела сесть и написать ему очень резкое письмо. Видя моё намерение, муж стал страшно хохотать и объявил, что это дело его рук, к первому апреля, и был страшно доволен, что ему удалось меня надуть, подделав почерк Голубева. Я тоже очень смеялась, но в душе решила отплатить мужу тем же.

На следующий год первого апреля я пошла в магазин фальшивых бриллиантов, выбрала браслет в виде цепочки с чередующимися великолепно имитированными жемчугами. Положив браслет в коробку от настоящего ювелира, я на следующий день утром, когда муж сидел за кофе, послала к нему Лизу с этой коробкой и запиской: "Милый друг, я забыла тебе сказать, что я купила этот браслет за 6000 фр., и сейчас пришли из магазина со счётом. Не будешь ли мил прислать мне эти деньги?" Муж немедленно прислал деньги, черкнув на моей записке: "Очень рад доставить тебе удовольствие". Моя месть удалась, и я была в восторге. Весь день браслет красовался на моей руке, и я всем хвасталась подарком мужа, и только к вечеру открыла ему, что браслет фальшивый и стоит всего 100 фр., но денег ему не отдала. Он страшно смеялся и долго не мог забыть этой проделки.

Наконец мне удалось найти дом, вполне отвечающий моему вкусу и всем требованиям комфорта. Он был очень изящен, в строго выдержанном стиле Ренессанс. Потолки были расписные по золотому фону, очень красивый зимний сад и конюшни, прелестный, выложенный плитками двор и все современные удобства.

Мы зажили в Париже по-петербургскому, т.е. муж ходил в какие-то социологические общества, на какие-то заседания, много работал у себя по интересующим его научным вопросам, я же усердно, аккуратно посещала каждый день Академию Жюлиана. Мы часто бывали в опере, театрах, устраивали у себя вечера камерной музыки с участием Марсика и других артистов, а раз как-то пела Иветт Гильбер.

Нашим ближайшим соседом был художник Бона, у которого был рядом с нами свой дом. Мы познакомились. Он подружился с мужем, часто заходил к нам позавтракать и однажды, узнав, что я занимаюсь живописью, попросил показать ему мои работы и с тех пор часто давал мне полезные

советы. В то время как муж позировал ему для портрета, он из дружбы ко мне пригласил меня параллельно с ним писать мужа в его мастерской. Это было очень приятно и полезно для меня, так как я могла таким образом проследить манеру мастера. Мы дружно работали, и время проходило очень интересно.

Мастерская и ближайшие комнаты у Бона походили на музей, так в них было красиво, художественно. Сам он был коллекционером старинной бронзы и рисунков Рембрандта. Во время перерывов наших сеансов, обходя по несколько раз мастерскую, я любовалась этими красивыми вещами. Всю свою богатую коллекцию Бона завещал своему родному городу Байон.

Когда входили в дом Бона, то уже одна обстановка говорила о том, что тут живёт художник в полном смысле этого слова. Не то у наших русских художников, даже самых крупных, которые почти поголовно живут в пошлой, безвкусной, чисто мещанской обстановке, не замечая этого убожества и уродства. Нет у них ни эстетических запросов, ни потребности в красоте и гармонии вокруг себя.

Из русских знакомых у нас часто бывал Де-Роберти, профессор социологических наук в Брюссельском университете, очень умный, интересный собеседник, с которым муж по целым часам говорил и спорил об интересующих его вопросах.

Одним из моих любимых развлечений было заезжать к Бингу. Это был человек, который любил и интересовался современным искусством и принёс большую пользу новому движению, поддерживая и поощряя молодых художников, ищущих новых путей. У него был большой магазин, расположенный в четырёх этажах, где можно было найти интересные картины, фарфор, майолику, мебель и даже ювелирные вещи. В том же доме Бинг имел мастерские, где работали различные предметы, больше всего мебель.

У Бинга работал тогда один молодой мастер, Де-Фер. Работы его были оригинальны и исполнены с большим талантом. Я заказала ему веер, и он сделал мне хорошенькую вещь. Разрисовал шёлк и сам же сделал оправу. Впоследствии Де-Фер покинул мастерскую Бинга, открыл собственный магазин и сделался известным, но дальнейшие его работы уже не так мне нравились. Его первая манера была самая интересная и оригинальная, так что я очень рада иметь от него вещицу, исполненную в первый период его художественной деятельности. Это был талантливый и оригинальный декоратор.

У Бинга я покупала ещё интересные вазочки Тиффани. В его мастерской мне делали красивые оправы для них, и у меня собралась целая коллекция. Я также скупала на аукционах, на выставках, у коллекционеров изделия современной керамики с целью иметь при себе произведения разных стран как образцы. В особенности это мне удалось на выставке 1900 года в Париже.

Я также очень увлекалась CONCOURS HIPPIQUES [Скачки (фр.)]. Мы выставляли наших лошадей и получали лучшие призы. Этот блестящий результат был всецело делом рук Киту, так как она главным образом заведовала нашим конским заводом. Мы покупали хороших нормандских лошадей, посылали на завод и, скрещивая их с нашим русским производителем хреновских кровей, получали великолепных выездных лошадей.

* * *

Хотя моя коллекция акварелей была уже довольно велика, но многих известных мастеров в ней ещё не хватало. Чтобы пополнить эти пробелы, я пригласила себе в помощь одного молодого, начинающего художника, А. Бенуа [В архиве М.К. Тенишевой, находящемся сейчас у кн. Е.К. Святополк-Четвертинской, сохранилось большое количество писем от А. Бенуа, Репина, Врубеля, Бакста, Рериха, Нестерова и других русских художников. – По имеющимся данным архив не сохранился (прим. ред.)]. В то время он только ещё начинал свою карьеру, и чуть ли не первой покупательницей его картин была я.

Отец Шуры – так звали Бенуа везде – не особенно доверял способностям сына и хотел, чтобы тот шёл в адвокаты. Шура не слушал отца: его заветной мечтой было сделаться художником и поехать за границу для усовершенствования в своём искусстве. Но средств не было. Женившись очень молодым и имея уже семью, Шура не мог ехать, так как получал от отца всего сто рублей в месяц. Однажды он пришёл ко мне, рассказал своё положение и просил меня помочь добиться своей цели, осуществить свою мечту. Я решила поддержать его и со своей стороны в течение трёх лет выдавать ему по сто рублей в месяц, а также поручила ему приобретать для меня за границей акварели, открыв ему для этого особый кредит. Я должна признаться, что не все приобретаемые им картины соответствовали вполне моим вкусам. Много было у меня акварелей, которыми восхищался Бенуа и к которым я, наоборот, была совершенно равнодушна. Я часто винила себя за недостаток характера, но иногда мне всего дороже был покой, и я на всё соглашалась, чтобы избавиться от целых часов споров и пререканий, думая, что когда-нибудь дома все переберу и ликвидирую ненужное... [Здесь редакцией сделан пропуск по соображениям, указанным в предисловии.]

В год нашего пребывания в Париже в Амстердаме готовился торжественный 400-летний юбилей Рембрандта [Здесь, вероятно, опечатка. 300-летний юбилей Рембрандта отмечался в Амстердаме в 1906 г.], и мы с Киту надумали поехать туда посмотреть выставку, на которую были собраны со всего света шедевры этого мастера. Английский двор прислал самые лучшие экземпляры, Франция, Испания и множество частных коллекционеров приняли участие в этой выставке. Публика, посещавшая выставку, несмотря на то, что её было очень много, соблюдала тишину, говорила шёпотом, как в церкви. Чувствовалось веяние истинной красоты.

Из Амстердама мы поехали в Хаарлем на один день. Там хотелось видеть собрание картин ван Хальса, и могу сказать, что из всего путешествия выставка Рембрандта и эти картины ван Хальса произвели на меня одно из самых сильных впечатлений.

Хаарлем – крошечный, чистенький провинциальный городок, с тихим мирным житием. На улицах нет никакого движения, всё точно спит, точно стоит задумавшись. Дома окружены садами, масса зелени, и там, где-то вдалеке, отодвинутый человеческими усилиями уровень моря, но не так, как мы привыкли его видеть, а неизмеримо выше, над нами. Чувствовалось, что море так высоко, что, если бы только прорвало мол, – мы моментально исчезли бы под водой. Чёрненькие дома (они все выкрашены там в чёрную краску) нисколько не мешали приятному впечатлению от города, а за городом, по сочным лугам, гуляли сытые коровы в пополах. На всём лежал отпечаток сытости, здорового, настойчивого и плодотворного труда. В особенности пора-

давало меня видеть рослых, здоровых спокойных женщин, с цветущими лицами, ненамазанных, неперетянутых, неизломанных, на которых глаз отдыхал.

Оттуда мы поехали в Брюссель – хорошенький, чистенький городок, настоящий маленький Париж. Музеи его великолепны. Заодно мы посетили и Антверпен. Музеи и город очень интересны, но всего интереснее его торговая пристань. Это совершенно особый мир, захватывающее зрелище кипучей деятельности, громадного оживления, какая-то всемирная ярмарка!

В Брюсселе я познакомилась с одним очень интересным молодым художником, Леоном Фредериком, у которого я приобрела 21 картон углём и итальянским карандашом на сюжеты деревенских работ: "Жатва", "Сбор фруктов", "Сенокос" и т.д. Картонки эти я поспешила присоединить к картинам для предполагавшейся в будущем году выставки "Мира искусств" в Петербурге

Когда мы посетили мастерскую Фредерика, мне очень понравилась серия его картин "Школьная жизнь детей", Бенуа же увлёкся картонками углём, и я долго колебалась, на чём остановиться. Бенуа по обыкновению так стал уговаривать и убеждать, чтобы я взяла именно картонки, что я, несмотря на своё намерение остановиться на панно масляными красками, уступила – это всё же были хорошие вещи. Как только я высказала своё решение, Леон Фредерик подошёл к стене и, сняв с неё очень хорошенький рисунок, тут же подарил его Бенуа. Очевидно, он благодарил его за эту сделку, так как ему было бы гораздо труднее поместить куда-либо эти двадцать картонок углём, чем панно масляными красками. Бенуа страшно смутился, покраснел, стал отказываться, но Фредерик принялся уговаривать его. Подарок принять всё-таки пришлось.

Подобный же случай был при мне у одного старьёвщика в Париже. Зная мою страсть к старинным вещам, Бенуа раз пришёл ко мне сказать, что продаётся старинное кресло эпохи Ренессанс. Я поехала с ним к старьёвщику, но кресло мне не понравилось. В нём были только старинные части, остальное же поддельное. Я сказала об этом по-русски Бенуа, но он настаивал на покупке. Хотя мне не хотелось покупать, но так как цена меня не пугала, то после утомительных споров я уступила и купила кресло и ещё один понравившийся мне предмет. Между тем Бенуа, бродя по магазину, восхищался маленькой вещицей, календарём XVII века в художественном, изящном переплёте. Не раз брал

EXPOSITION UNIVERSELLE – Париж (1900)

его в руки, любовался, опять клал на место. Когда сделка состоялась, продавец с любезной улыбкой принёс календарь в подарок Бенуа. Произошла сцена, напомнившая мне эпизод у Фредерика. Бенуа, сердитый, почти грубо отказывался от "сувенира", а продавец ласково, настойчиво навязывал ему свой подарок, который, конечно, пришлось унести с собой.

Однажды Бенуа рассказал мне про одного скульптора, приехавшего из России, по имени Обер. По его словам, художник был беден, с трудом пробивал себе дорогу и нуждался в поддержке. Я согласилась поехать с ним к этому художнику в его мастерскую. Мы отправились куда-то на окраину Парижа, и там в действительно очень жалкой и бедной обстановке я увидела уже немолодого человека, его жену, жаловавшуюся нам на плохую, холодную квартиру, и, наконец, и сами творения его. Всё, что я увидела, мне страшно не понравилось. Всё это были какие-то звери, даже не стилизованные, а просто уродливые, какие-то грубые шаржи, болезненные, кошмарные изображения животных, тяжёлые и неприятные. Художественного в них не было ничего. Мне всё это так не понравилось, что я долго не могла даже говорить, да и не находила, что сказать. Я бы ни за что не стала покупать таких вещей, но раз поехав туда, зная, по рассказам Бенуа, бедственное положение художника, видя их бедную обстановку, очевидно, я должна была что-нибудь купить, поощрить. Однако выставленные вещи настолько отталкивали меня, что я никак не могла остановить свой выбор на чём-либо. Бенуа, видя мою нерешительность, тут же выбрал за меня одну вещицу, какую-то уродливую рыбу из жёлтой терракоты, отвратительного тона жёлтой поливы, которую бы на выставке, конечно, сам художник и всякий покупатель оценил бы, может быть, в сто, двести франков, но мне она обошлась в семьсот. Ведь моя роль состояла в том, чтобы "поощрять" таланты.

Но этим дело с Обером ещё не кончилось. Я ещё раз уступила Бенуа, который просил меня заказать что-нибудь Оберу, например, фигурку одной из моих собак. Выбор пал на любимого грифончика Гри-Гри, которого моя девушка стала возить к Оберу на сеансы. По окончании работы Бенуа сам, к счастью, а не Обер, привёз мне гипсовую статуэтку, которую художник предполагал вылить из бронзы. Каков же был мой ужас, когда я увидела вместо моей миленькой, тонкой, изящной собачки какую-то карикатуру, какого-то неуклюжего, толстоногого зверя. Я была так возмущена, что решила даже отказаться от этого произведения. Конечно, пришлось за эту вещь вышвырнуть тысячу франков, но самой вещи я не взяла.

В Париже жил в это время Бакст, тоже приехавший, как и Обер, искать там счастья. Он очень бедствовал, и мне не раз пришлось помогать ему, давать заказы, чтобы доставить какой-нибудь заработок. С такой же целью я заказала ему однажды портрет Киты. Он вышел очень неудачным, конфетным и безвкусным. К тому же он изобразил свою модель с гитарой в руках, но гитаре придал такие размеры, что вышло что-то вроде контрабаса на животе. Чтобы вставить портрет в рамку, я должна была обрезать чуть не две трети гитары, но и то она занимает половину портрета, и весь первый план поражает своей несоразмерностью.

Однажды Бенуа был спешно отозван из Парижа по случаю смерти своего отца [Архитектор Н.Л. Бенуа умер в 1898 г.]. Уезжая, он просил меня навещать его жену, оставшуюся с

Антуан Баришар Елисейские поля

двумя детьми и нянькой-чухонкой. Раз я зашла к ней и, не застав, вошла посмотреть на детей. Старшая девочка, лет трёх, играла тут же на полу, а младшая спала в комнате рядом, но вероятно, услышав шум, она проснулась, и нянька, отворивши мне дверь и впусивши в первую комнату – рабочий кабинет Бенуа, – ушла к ребёнку. Оставшись одна, я машинально огляделась вокруг... На рабочем столе и на камине лежали гравюры XVII, XVIII веков. Тут же стояла на столе маленькая трёхвершковая кукла, одетая в костюм Людовика XIV, служившая, очевидно, манекеном, и лежала гравюра с летающим или прыгающим из окна человеком на фоне иллюминированного дворца... *[Опускается несколько строк по причинам, изложенным в предисловии.]*

Вскоре после возвращения Бенуа из Петербурга с похорон отца он стал мне рассказывать о какой-то молодой, талантливой скульпторше из крестьянок, очень нуждающейся и подающей блестящие надежды, начал меня уговаривать взять её на своё попечение, дать ей средства окончить своё художественное образование, говоря, что я этим не только сделаю её, но и свою славу. Но всё его красноречие на этот раз пропало даром. Помня историю с Обером, я отказалась наотрез принять участие в судьбе этой скульпторши. Потом, много лет спустя, мне пришлось очень пожалеть об этом решении. Однажды ко мне в Талашкино приехала одна дама, москвичка, близко знакомая со всем художественным миром Москвы и Петербурга. Она стала мне рассказывать о Голубкиной, скульпторше, вышедшей из народа, действительно настоящем таланте-самородке. Она теперь живёт у родных в уездном городишке Зарайске, в самой бедной и некультурной обстановке, где она должна и работать. Ей никак не удаётся пробиться, вещи её, несмотря на огромную художественную и даже материальную ценность (как, например, скульптура из дорогого хорошего дерева, превосходно выполненная), с трудом, едва-едва находят себе сбыт или продаются за самые ничтожные цены, не окупающие ей даже понесённые ею затраты на выполнение. Ей не удаётся получить заказы, так как к женщине-скульптору всё ещё чувствуется какое-то недоверие, предпочитают обращаться к посредственным скульпторам...

У меня глаза и лицо горели, когда я слушала её. Она заметила моё волнение и говорит: "Кажется, я вас расстроила своим рассказом?" Тогда я не выдержала. Что-то большое дрогнуло в моей душе. Я тут же при всех рассказала, почему эта история так меня взволновала, ведь я давно слышала

о Голубкиной и давно могла бы ей помочь... Для меня нет большего удовольствия, как помочь действительно настоящему художнику, человеку одарённому, любящему своё дело и погибающему только от недостатка средств. Но вот почему я не помогла ей? Почему не сделала этого шага?..

Надо сказать, что если трудна дорога каждого артиста, то для женщины-артистки она неизмеримо трудней. Говорю это не с точки зрения "квасного" феминизма – я феминисткой в этом узком смысле никогда не была, – но какая разница в отношениях к мужчине и женщине на одном и том же поприще? Как глубоко несправедливо и оскорбительно это отношение к женщине-художнице, женщине-артистке... Чтобы женщине пробить себе дорогу, нужны или совершенно исключительные счастливые условия, или же ряд унижений, компромиссов со своей совестью, своим женским достоинством. Через что только не приходится проходить женщине, избравшей артистическую карьеру, хотя бы одарённой и крупным, выдающимся талантом? Как бы талантлива она ни была, всегда она будет позади посредственного художника, и всегда предпочтут дать заказ третьестепенному художнику, чем женщине с явным и ярким талантом: как-то неловко... Её, может быть, даже будут хвалить в газетах, будут говорить о ней и признавать в художественном мире, но поручить ей ответственную работу никто не решится, её постараются дружными, сплочёнными усилиями никуда не пропустить. Сколько таких примеров я видела в жизни! Способную художницу в течение трёх или четырёх лет не принимали в Академию только потому, что она женщина, так как нельзя сказать, чтобы все принятые мужчины оказались гораздо талантливее её. Люди, ничем не заявившие себя, не сделавшие для искусства решительно ничего, о чём бы стоило говорить, ухитряются получать заказы, пристраиваются декораторами на Императорскую сцену, другие, столь же бездарные, ловко пролезают во всевозможные "хранители" музеев, библиотекари при них, заведующие художественными коллекциями, а сколько явных, кричащих бездарностей попадают в профессора, академики? Женщина с гораздо большим талантом может выдвинуться только чудом или способами, ничего общего с искусством не имеющими, ей каждый шаг даётся только с невероятными усилиями... И сколько из них погибает или бьётся всю жизнь в нищете, как эта Голубкина?..

Бульвар Капуцинов в Париже 19 век

Продолжаем путешествие по регионам России. Наша страна великолепна, разнообразна в плане путешествий. Сегодня предлагаем заглянуть в Сергиев Посад, где всегда много путешественников и любителей истории.

Золотое кольцо России: Сергиев Посад

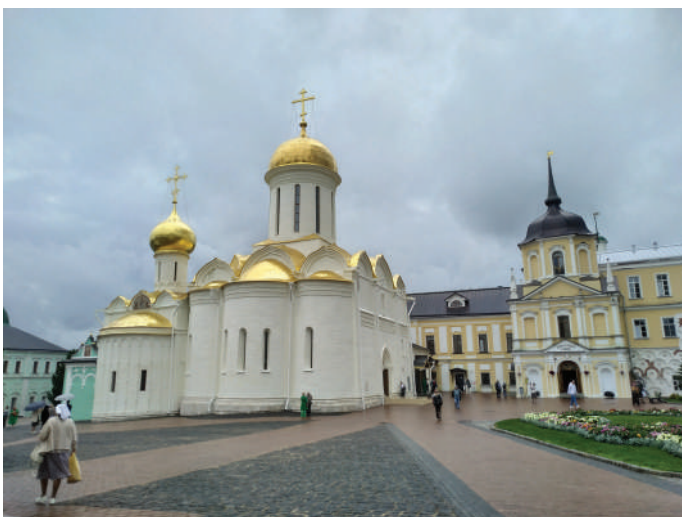

Сергиев Посад – один из древнейших русских городов, основанных в 1337 году. Единственный город Золотого Кольца России, который находится в Московской области. Больше всего славится тем, что имеет на своей территории один из объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО – Троице-Сергиеву Лавру – мужской монастырь русской православной церкви. Лавра имеет более 50 зданий и создателем её является Сергий Радонежский, в честь которого город и получил своё название. Вначале, однако, город назывался просто Сергиев, затем, по причине того, что вокруг Лавры был сооружён посад, город сменил своё название на Сергиев Посад. Был в его истории и момент, когда он назывался совсем иначе – Загорск. Назван он так был в честь погибшего в 1919 году революционера Владимира Загорского, памятник которому ныне установлен на проспекте Красной армии. В 1991 году городу было возвращено прежнее название.

Надо сказать, что величественное сооружение, тем не менее, огорчает, мягко говоря, очень слабым сервисом (это касается различных прилепившихся магазинчиков и столовых). Видимо, настолько большой поток посетителей, что их можно обслужить по низшему составу, как плебеев из княжеского окружения.

Так что советуем перекусить и запастись сувенирами вдали от Лавры, благо в городке немало точек притяжения.

Из примечательных рассказов можно обратить внимание на то, что именно здесь появилась русская матрёшка; что посещали это знаковое место многие русские писатели, среди которых – Гоголь, Бунин, Куприн, Лермонтов, Толстой, Ахматова, Дюма; в Сергиевом Посаде был крещён Иван Грозный. И вам обязательно расскажут, что в этом городе находится самый крупный действующий колокол – вес его составляет 72 тонны.

А вот что касается туристов, то китайцев и прочих здесь намного больше, чем соотечественников. Видимо, нашим уже всё давно знакомо.

Тем не менее, путешественникам стоит сделать остановку, чтобы размяться и поглазеть по сторонам. Здесь же сосредоточено множество исторических мест, самыми посещаемыми из которых являются Успенский и Троицкий соборы и трапезная преподобного Сергия. Есть много других церквей, любопытен и дворец, в котором находятся царские апартаменты. «Трудно представить себе что-либо более ослепительное, чем этот огромный монастырь, величиной с целый город, в такое время дня, когда косые лучи солнца отражаются в позолоченных шпилях и маковках» – так сказал о Лавре Александр Дюма в 1858 году, и с ним нельзя не согласиться. А прямо около стен Лавры на берегу Белого пруда расположился музейный комплекс «Конный двор»: в 1790 году он насчитывал около 700 лошадей. Сейчас здесь музейные экспозиции, посвящённые ремеслу и творчеству, богатствам исторического края, отраслям местного декоративно-прикладного искусства. Из менее привлекательных отметим Музей игрушки, открытый в 1918 году в городском особняке, который до революции принадлежал вдове местного промышленника, а сегодня он радует коллекциями русской народной игрушки, изделиями мастеров Западной Европы и Азии, детскими портретами и новогодними ёлочными игрушками и украшениями.

Кого-то, особенно в жаркую погоду привлекут природные артефакты, такие, например, как Источник преподобного Саввы Сторожёвского. Он был одним из учеников Сергия Радонежского и почти всю жизнь провёл в Лавре, посвятив ее служению. Есть легенда, что благодаря ему в монастыр-

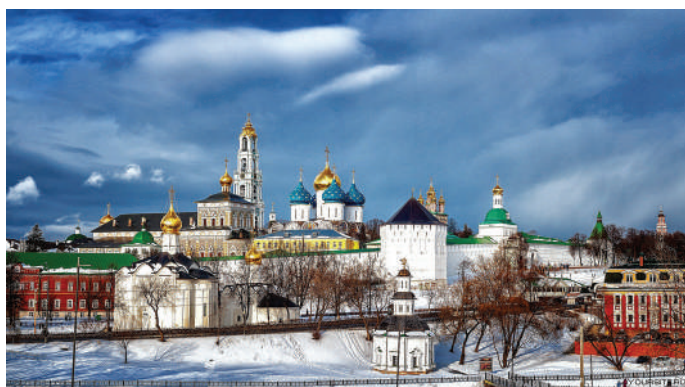

ских окрестностях из земли забил святой источник. В 90-е годы на берегу ручья была построена деревянная часовня и оборудована купель.

Есть здесь и Гремячий ключ – источник и водопад в Сергиево-Посадском районе, самый известный источник Подмосковья.

Его струи спускаются с двадцатиметровой высоты по обрыву реки, образуя несколько ключей. Температура воды – 6 градусов, она является целебной из-за большого содержания радона в ней. На территории есть также пешеходные дорожки, храм, часовня и купель, что делают прогулку приятнее...

В общем, стоит побывать в Сергиевом Посаде и прикоснуться к нашей истории.

В конце 2023 года, после скандальной долгой реконструкции, открылся Красный мост, изначально именовавшийся Мариинским.

И всё бы ничего, но на нём появилась табличка, указывающая, что реконструкцию осуществил мэр Орла Парахин. Как бы, между прочим, потомкам намекали, кто главный. Правда, после активного недовольства общественности, табличку сняли. А вот другую не удосужились повесить. И надо напомнить, что идея сооружения моста принадлежала богатому меценату Вячеславу Николаевичу Тенешеву. И именно ему мы обязаны этим грандиозным по тем временам сооружением.

К слову, о семье Тенишевых мы уже рассказывали в нашем журнале, а сегодня продолжаем публиковать воспоминания его второй жены Марии Клавдиевны.

Вот что писала несколько лет назад Лариса КОНДАКОВА, начальник отдела Госархива Орловской области: 2 марта 1882 года в Орле был открыт Мариинский мост, позже получивший современное название – Красный. Как и 140 лет назад по этому мосту проходит основная транспортная артерия города.

Красный мост, соединяющий правый и левый берега Оки в центральной части Орла, в последнее время на слуху у горожан. Его ремонт, начавшийся в первые дни февраля, принёс много неудобств. Однако открывающиеся перспективы – расширение моста, создание удобных пешеходных тротуаров – вселяют надежду и прибавляют оптимизма.

По Красному мосту, одному из старейших в Орле, проходит основная транспортная артерия, которая связывает два района города. По мосту, например, можно совершить пешую прогулку из Железнодорожного района в центр, где находятся рынок, театр, краеведческий музей и другие достопримечательности областного центра.

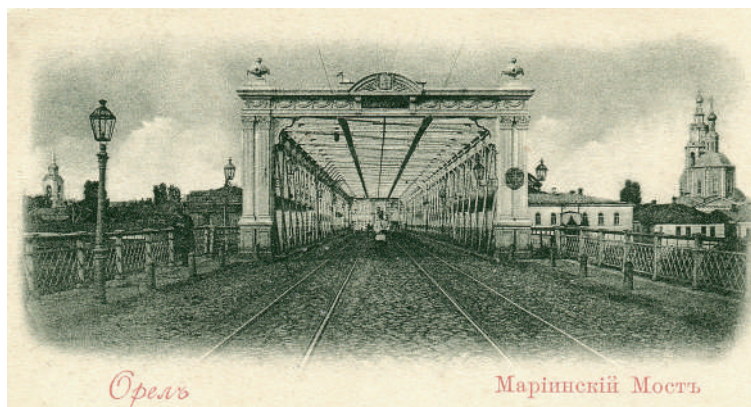
История моста начиналась полвека назад, 18 мая 1873 г. Орловская городская дума приняла постановление о создании комиссии по устройству в городе постоянных мостов на реках Оке и Орлике под председательством А.Ф. Кулабухова, которого летом 1874 г. сменил директор городского общественного банка И.А. Авилов. Надо заметить, что до этого времени в Орле строились только деревянные мосты, которые во время весеннего разлива рек и паводков сносились водой.

Деятельность комиссии была продолжительной ввиду возникших разногласий с орловским земством, которое отказывалось ассигновать строительство мостов. Только после того как уездное земское собрание согласилось на передачу мостов и переправ в ведение города и выделило 50 000 рублей серебром, дело сдвинулось с места. 3 апреля 1875 г. комиссия по устройству постоянных мостов вынесла конструктивное постановление. В нём, в частности, говорится, что опоры пролётных частей моста следует устроить каменные, пролётные части – железные, подъездные дамбы должны быть земляными. Далее записано: «Принять к рассмотрению для уяснения стоимости мостов план инженера Верховцева». Орловская городская дума одобрила планы, и после доработки они были утверждены Министерством путей сообщения.

Князь Вячеслав Николаевич Тенешев (художник Леон Бона, 1896 год)

МАРИНСКИЙ МОСТ В ОРЛЕ

Первый состав комиссии завершил свою работу заключением предварительного договора о постройке постоянных мостов в Орле с председателем правления общества Брянского рельсопрокатного завода князем В.Н. Тенишевым, предложившим наименьшую цену.

16 марта 1876 г. на заседании городской думы был утверждён новый состав комиссии во главе с прежним председателем Авилковым. Тогда же комиссия пригласила инженера А.И. Лебединского на должность производителя работ при устройстве мостов вместо отказавшегося Верховцева и поручила ему изготовить проект дамб арочной системы.

Новые планы по проекту Лебединского в августе 1877 г. были утверждены Министерством внутренних дел. В мае следующего года был заключён контракт на постройку постоянных мостов между уполномоченным городской думы Авилковым и уполномоченным общества Брянского рельсопрокатного завода В.Ф. Крахтом. После завершения капитальных работ комиссия сделала заказ на фонари чугунолитейному заводу «СанГалли». Там же заказали железные решётки, чугунные колонны, портики и тумбы.

17 февраля 1879 г. было проведено испытание железных конструкций моста через Оку. «Пробная нагрузка была произведена рельсами в количестве 17 459 пудов на пролёт моста». Признав полученные результаты удовлетворительными, комиссия разрешила открыть мост «для постоянного движения экипажей и пешеходов». Особую благодарность комиссия выразила инженеру Лебединскому, благодаря трудам которого были возведены прочные и изящные мосты, и просила городскую думу представить его к награде.

По прошению Орловского городского общественного самоуправления мост назвали «Мариинским» в честь супруги императора Александра II. Освящение моста состоялось 2 марта 1882 года «с установлением иконы и неугасаемой лампы в память восшествия на престол Их Императорских Величеств».

Мариинский мост, украшенный ажурным литём и чугунной табличкой с его названием, стал одной из главных достопримечательностей Орла. С ноября 1898 года по мосту стали ходить трамваи.

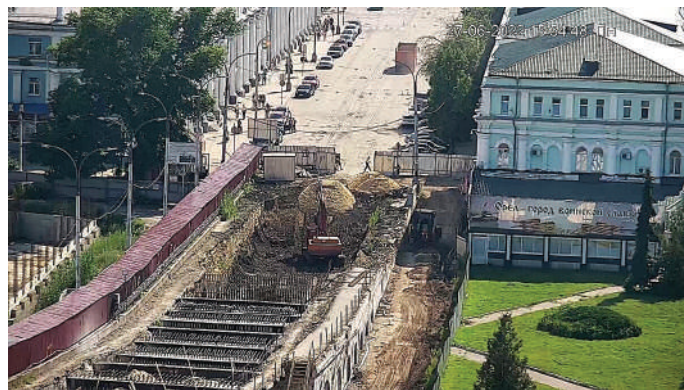
По информации городского архитектора, направленной в Орловскую городскую управу в 1903 года, Мариинский мост был устроен по американской системе «Гау». Между тем имеются убедительные доказательства, что строительство велось по голландской системе.

Своё современное название мост получил во время первой волны большевистских переименований. Решением Орловского горисполкома от 12 июля 1919 года, Мариинский мост получил название «Красный». Летом 1926 года «Орловская правда» писала о проводившемся ремонте Красного моста: «Продолжительный срок ремонта объясняется необходимостью переменить перержавевшие части моста. Вся нижняя часть мостовых форм окрашивается заново; производится перестилка всего деревянного помоста».

В августе 1943 года фашистские оккупанты при отступлении взорвали Красный мост. В короткие сроки мостовыми армейскими частями был построен временный высоководный деревянный мост и сдан в эксплуатацию к 7 Ноября. В летописи Орла сообщается, что новый железобетонный мост был возведён в 1949 году.

Проекты и прожекты

Время добрых перемен

Урыновская средняя общеобразовательная школа и поликлиника Центральной районной больницы пополнили в наступившем году список обновлённых объектов в Должанском районе

Эстафета обновлений

В самом деле, за последние несколько лет район заметно преобразился. К примеру, в самом посёлке Долгое не осталось ни одной улицы и переулка без добротного асфальтового покрытия. Появились пешеходные дорожки, вымощенные плиткой, ухоженные газоны и цветочные клумбы. Новое современное лицо после масштабного обновления приобрёл районный парк культуры и отдыха, где стало уютно, куда с удовольствием приходят и пожилые люди, и молодёжь.

В посёлке построен футбольный стадион с беговыми дорожками и современный хоккейный корт, открыты аллея Героев, сквер имени Героя России Алексея Скворцова и места для проведения досуга молодёжи.

Капитально отремонтирован бывший РДК, ставший теперь Межпоселенческим культурно-досуговым центром. За счёт средств муниципального бюджета проведён ремонт во всех сельских клубах и Домах культуры, в районе не осталось котельных, работающих на угле: все они переведены на природный газ.

В ряде сельских поселений в рамках национальных проектов (региональных и муниципальных программ) отремонтированы дороги, проложен водопровод, проводится обновление дворовых территорий и общественных пространств.

Украшением и гордостью района стал построенный в селе Кривцово-Плота крупный спортивный комплекс, где открыт целый ряд секций для занятий спортом. Здесь проводятся не только районные, но и областные и даже общероссийские соревнования.

Именно в Долгом в прошлом году впервые было проведено первенство России по борьбе самбо среди сельских спортсменов.

Сегодня район успешно развивается, живёт динамичной насыщенной жизнью. И продолжает эстафету обновления.

Красота, да и только!

Школа с селе Урынок была построена в далёком уже 1952 году. Это было просторное здание в два этажа, рассчитанное не на одну сотню учеников.

Однако за прошедшие десятилетия здесь ни разу не проводился серьёзный ремонт. И вот, наконец, в прошлом году этот долгожданный момент наступил: Урыновская средняя школа была включена в программу капитального обновления в рамках проекта «Модернизация школьной системы образования Орловской области». В августе 2023 года строители подрядной организации «Долина», выигравшей тендер, приступили в работе.

– Основной ремонт школы закончился в декабре, – рассказала директор образовательного учреждения Оксана Калугина. – Строители полностью заменили кровлю, водопровод, электропроводку и другие коммуникации, сделали фасад и наружное освещение, выполнили внутреннюю реконструкцию: полы, потолки, спортивный зал, столовую, пищеблок, тёплые туалеты, душевые, раздевалки, актовый зал, привели в порядок в соответствии с проектом и утверждённым дизайном все школьные помещения и кабинеты для занятий обучающихся и учителей. Строители не подвели, показали себя настоящими профессионалами, сделали всё добротно и качественно.

Школа в буквальном смысле преобразилась, засверкала удивительными яркими красками, радующими и душу, и глаз, получила такие возможности, о которых, наверное, мало кто мечтал. В распоряжении ребят и учителей учебные мастерские, 4 кабинета начальных классов, 9 специализированных учебных кабинетов, две лаборатории, школьная библиотека, Центр детских инициатив, музейная комната. А кроме того, интерактивные доски, планшеты, отличная мебель, приборы и оборудование, активно используются в обучении технологии и программы центра «Точка роста», открытого в школе ещё в 2021 году.

Общая стоимость проекта превышает 35 млн. рублей.

– В дополнение к этой сумме, – сообщил глава района Борис Макашов, – не менее пяти миллионов рублей было выделено из районного бюджета на асфальтирование пришкольной территории, её ограждение, приобретение кухонного оборудования, подведение интернета.

А ещё немалую помощь в обновлении школы оказал почётный гражданин Должанского района, руководитель известного своими достижениями сельхозпредприятия «Заря мира» Владимир Пахомов – человек огромной души, настоящий лидер и патриот своего края. На протяжении многих лет Владимир Михайлович шефствует над школой, оказывает помощь в решении самых разных проблем.

– Но как же иначе?! – удивляется он. – Здесь учились мои дети, внуки. Школа – это часть нашей судьбы, без неё невозможно представить жизнь нашего села.

Поздравить школу и весь район с замечательным событием приехал губернатор Андрей Клычков, члены регионального правительства, руководители ряда департаментов и служб, депутаты областного Совета народных депутатов.

– Сегодня мы открываем новую страницу в истории Урыновской средней школы, – сказал в своём выступлении Андрей Клычков. – Возможность для сельских ребят получать современные знания в комфортных условиях – важнейшая задача, которой мы уделяем пристальное внимание.

Глава региона вместе с руководителями района и одним из первоклассников школы перерезали красную ленточку. В добрый путь в страну открытий и знаний, помолодевшая Урыновская школа!

На празднике звучали стихи и песни, добрые слова в адрес строителей. А потом для гостей состоялась ознакомительная экскурсия по всей школе.

Представители образовательной системы, архитектуры района и подрядчик были отмечены благодарностями губернатора и Орловского областного Совета народных депутатов.

В одном из классов на школьной доске Андрей Клычков оставил надпись, пожелав ученикам и учителям самого главного: «Успехов!»

Найти жильё для врачей

В феврале аплодировали ещё одному свершению: завершился капитальный ремонт поликлиники ЦРБ. Объект, который, как воздух, нужен жителям муниципального образования. Условия, в которых здесь приходилось принимать людей и работать медицинскому персоналу, были, мягко сказать, некомфортными. Это явилось одной из причин увольнения ряда специалистов.

На реализацию проекта было выделено более 40 млн. рублей. Работы, которые вела здесь подрядная организация из города Курска, на сегодняшний момент выполнены на 95%. Останется привести всё в надлежащий вид, доставить и подключить в кабинетах оборудование – и можно принимать людей.

Но есть один немаловажный момент, о котором Андрею Клычкову рассказала и.о. главного врача поликлиники Марина Шаталова.

– Нашей поликлинике очень нужен педиатр, сейчас его нет. Другим специалистам тоже не помешает подстраховка, как говорится, требуется свежая кровь, поскольку средний возраст врачей – 55-57 лет.

Конечно, и сама Марина Шаталова, и специалисты департамента здравоохранения региона не сидят сложа руки. Размещают объявления, ищут, приглашают, проводят собеседования, посещают ярмарки вакансий. Кандидаты занять ту или иную должность имеются. Но тем, кто согласен на переезд, требуется жильё.

В ходе обсуждения этой непростой проблемы неожиданно выяснилось, что руководство муниципалитета, в частности, в лице председателя районного Совета народных депутатов, почётного гражданина Должанского района Владимира Марахина, готово желающим предоставить – на очень хороших условиях – отдельные комфортабельные квартиры. И не одну – а не менее восьми!

Подробности этой неожиданной истории мы раскрывать не станем, но те из медиков, кто готов переехать в Долгое, будут приятно удивлены!

Михаил КОНЬШИН

Фото пресс-службы губернатора

ВОЛШЕБСТВО ВЕРХНЕОЧЬЯ

Верхняя Ока и её исток

(Продолжение следует)

Ока – искрящаяся душа сокровенной России. Долго несёт она свои прозрачные струи до впадения в Великую Волгу. Чтобы приблизившись к её полноводной мощно катящейся сини, охватить её своими переливающимися и волнующимися объёмами и соединить собственное неспешное течение с державным стремлением степной красавицы. Там, где Ока изливает свою хрустальную суть в Волгу, даже непонятно, какая из рек величественнее и шире, какая слаще журчит, в какой больше силы и напора. Здесь прохладная глубина очных гладей и илистая широта топких берегов вызывает восторженный крик, эхом летящий над голубой муровой лентой воды, чуть замутнённой золотистым песком. И не верится, что такая многоструйная трепещущая масса может иметь свой тихий и потаённый исток, который и завещал этой блистающей плещущейся мощи, свой ещё слабый и нерешительный шёпот.

Обозревая с прибрежных круч перламутровую рябь реки в её нижнем раздольном течении понимаешь, что если бы вся эта необозримо просторная плавно изгибающаяся вокруг покатых изумрудных холмов зыбкая бирюзовая дорога сложилась в одно подобное морю озеро, площадью двести сорок пять тысяч квадратных километров, то ни дна, ни берегов этого грандиозного бассейна мы бы не смогли охватить своим взглядом.

Разворачиваясь вдаль, голубая лента реки впитывает в себя благовонье луговых трав и упругий топот конских копыт по берегам, и дымок ночного костра, и отзвук грустных и тягучих пароходных гудков. И, кажется, если приложить ухо к тонкой плёнке манящей воды, то оттуда выплеснутся выдохнутые влагой запахи и звуки, накопленные рекой за время её неукротимого, но сокровенного движения.

Путь от истока к устью Оки, длиною в полторы тысячи километров, это не только неспешная поступь водных вихрей и изящные изгибы речного русла, в постоянно меняющемся среднерусском ландшафте. Это и наша историческая память о славных событиях прошлых веков, струящихся над руслом Оки, из славного прошлого в великое будущее.

Название Оки возможно фино-угорского (от финского ёки (joki) «река») или древне-балтского происхождения. Ведь балтское племя голядь (голинды) жило до славян по верхнему течению реки. Видимо слово «ока» означает просто «река» или «вода». Оно родственно всем теперь знакомому латинскому слову аква (AQUA) «вода» и по сути является древнеевропейским. Действительно в современных балтских языках, в литовском и латышском, имеются подобные слова. Так, в латышском слово ACIS – это и незамерзающее место в реке, и бьющий из глубины ключ, и глаз – око. Не случайно одно из старинных объяснений названия реки гласило, что она истекает из двух источников напоминающих два ока.

Ока омывает века и течёт не только в пространстве, но и во времени. Видимо эта среднерусская река возникла задолго до начала последнего великого оледенения, более 5 миллио-

нов лет назад. За минувшие тысячелетия река глубоко врезалась в коренные породы – известняки, окаменевшие останки древнейших мелких морских животных. Песчаные наносы на северном берегу образуют широкие террасы, под ними обнаруживаются ледниковые отложения – морены.

Известный революционер основоположник анархизма князь Пётр Алексеевич Кропоткин, происходивший из древнего царственного рода Рюриковичей, являвшийся также видным географом и геоморфологом, исследования которого легли в основу современных представлений о ледниковом периоде, так описал ландшафты того времени: «...Я видел, как в отдалённом прошлом, на заре человечества, в северных архипелагах, на Скандинавском полуострове и в Финляндии скапливались льды. Они покрыли всю Северную Европу и медленно расплзлись до её центра. Жизнь тогда исчезла в этой части северного полушария и, жалкая, неверная, отступала всё дальше и дальше на юг перед мертвящим дыханьем громадных ледяных масс. Несчастный, слабый, тёмный дикарь с великим трудом поддерживал непрочное существование. Прошли многие тысячелетия, прежде чем началось таяние льдов, и наступил озёрный период. Бесчисленные озёра образовались тогда во впадинах; жалкая субполярная растительность начала робко показываться на безбрежных болотах, окружавших каждое озеро, и прошли ещё тысячелетия, прежде чем началось крайне медленное высыхание болот, и растительность стала надвигаться с юга».

Как предполагают учёные в холодный и грозный ледниковый период, который закончился всего лишь 12 тысяч лет назад, сток вод древней доледниковой бабушки Оки на север оказался закупоренным холодными непреступными ледяными торосами, и её вольные воды, видимо, проложили себе путь в систему западной реки Десны. Вероятно, Ока тогда текла в современном русле до устья р. Жиздры (ныне Калужская область), а далее по руслу Жиздры поворачивала на запад и впадала в реку Десну. Возможно также, что Ока перетекала в Деснинский бассейн у верховьев рек Вытебеть

Исток Оки

и Снежить. В этом случае наиболее вероятным местом перетекания окских вод является впадина, где более всего сближаются верховья рек Навли и Цна.

Но в раннем мезолите (среднекаменном веке), в середине VIII – середине VII тысячелетий до нашей эры, то есть 10–9 тысяч лет назад климат потеплел, и обозначилось современное русло реки. Мощные ледяные заторы, искристые холодные громады, закрывавшие проход мощным речным водам постепенно растворились и испарились в холодном воздухе, а ледяные осколки их растаяли и впитались в сырую землю. Ока своими острыми водными ладонями прорезала Калужско-Алексинский каньон и напористо устремилась к матушке Волге. В эпоху неолита (новокаменного века) 5–2 тысячи лет до нашей эры или 7–4 тысячи лет назад, стал постепенно складываться климат, близкий к современному. Территория по левому высокому берегу Оки покрывается густыми непроходимыми зелёными лесами, мощно шумевшими над гладью долины реки. Кроны вековых деревьев склонялись к топким туманным зеркалам ещё не просохших болот.

Низменное правобережье верховья Оки было совсем другим. Оно представляло из себя лесостепь, где небольшие лесные изумрудные островки кутались в просторное разнотравье цветастого степного одеяла. И сейчас Ока считается юго-восточной границей леса и степи на Русской равнине – бирюзовым драгоценным поясом разделяет она лесные шелестящие прохладные холмы и жаркую жужжащую крыльями бабочек и стрекоз, благоухающую медовыми запахами радужную цветущую степь.

Но где же был в эти древние годы исток Оки? Видимо в седой древности наших пращуров Ока, её приток Очка, Неручь (приток Зуши), р. Сучья (приток Сосны) притоки Сейма: Снова, Сновка и Свапа, по которой сейчас проходит граница Орловской и Курской областей, все эти речки речушки истекли из огромного вольготно раскинувшегося на границах сегодняшней Орловской и Курской областей Самодуровского озера. Манящая и таинственная глубина этого водоёма доходила до двадцати метров, а ширина до двух километров, а может и более того. Через эту природную чашу притоки Дона и Десны (в свою очередь притока Днепра) – реки Нерусса, Навля, Сосна, особенно в период весеннего половодья – связывали Верхнюю Оку с просторами Поднепровья и южными территориями привольного Дона, являясь трассами расселения и миграции вечно ищущих лучшей доли древних племен. Это были голубые дороги древних веков, которые связывали разные места и разноязыкие народы.

Но в XIX веке Самодуровское озеро, у истоков реки Оки усохло и увяло, заболотилось, покрылось осокой и тиной, и упоминается уже как Самодуровское болото. А в прошлом веке болото и вовсе пересохло.

А в древности вокруг Самодуровского озера и верховьев ещё тонкоструйной, пронзительно летящей вдаль юной Оки раскинулось Верхнеочье. Оно с разных сторон ограждалось высотами гористых водоразделов. На западе Орловской области (примерно по линии Дмитровск – Шаблыкино) проходит всхолмлённый водораздел Оки и Десны, впадающей выше Киева в Днепр. С юга на северо-восток области тянется крутобокий водораздел Оки и Дона (условно по линии Дмитровск – Малоархангельск). На юге возвышается водораздел Оки и крупного притока, Десны – Сейма. На юго-востоке (вдоль линии Малоархангельск-Верховье) вздымаются известковыми кручами водораздел Оки и притока Дона – Сосны (Быстрой Сосны) с её притоками.

Водоразделы – пограничные природные крепостные стены бассейнов рек, где как в уютных обустроенных огромных гнёздах речных долин жили враждовавшие друг с другом племена, в седой древности не были заселены и являлись естественными границами территорий обитания на всём протяжении длинной истории верхнеокских жителей – старожилов. Было так и в поблескивающим полированными кремнёвыми топорами каменном веке, продолжилось и в богато украшенном ювелирном бронзовом, и в натруженном раннем железном веке. Да и много позже, в эпоху княжеских ристалищ и средневековых ожесточённых битв, водораздельные возвышенности украшались деревянными частоколами и дозорными башнями замков, являясь границами гордых княжеств.

В череде прошедших и утонувших в очной глади веков, много разных племён и народностей видело Самодуровское озеро и верховья Оки. В результате долгого этнического процесса на пространстве от Балтийского моря до Верхней Оки к первому тысячелетию до нашей эры сложилась культура балтских племён раннего железного века. Верхнеокская группа балтов занимала широкое привольное пространство Верхней Оки. Балты жили в больших открытых неукреплённых поселениях – так называемых селищах. У них были также и укреплённые частоколами тесные городища – убежища. Туда сгоняли самое ценное – скот и прятались сами, если вражеское соседнее племя решит посягнуть на чужое добро. Эти небольшие, но грозные и неприступные городища размещались на возвышенных мысах или отдельных холмах, на крутых берегах рек и озёр или среди труднодоступных таинственных болот. Свой «золотой век» древние балты пережили во II–V веках. Они были земледельцами, животноводами, а также рыболовами и охотниками. Римские историки отмечали, что балты сеяли зерновые и другие культуры, работая более усердно, чем германцы. Они выращивали пшеницу, просо и ячмень, лён и коноплю. В начале нашей эры у них появились рожь и овес. В это время для вспахивания земли они уже применяли деревянную соху с железным наконечником (сошником). Использовали балты и железные мотыги. Урожай собирали с помощью серпов и кос.

Балты разводили много домашних животных: свиней, овец, лошадей и коров. Они торговали с соседями с юга и востока скотом, кожей, мёдом и воском, выступали посредниками в торговле мехом между финно-угорскими народами на востоке от Оки и германцами жившими западнее.

В период существования Римской империи в первые века нашей балты выменивали у римлян монеты. Клады римских монет до сих пор находят в долине Оки. Покупали и выменивали они и глиняную посуду, стеклянные бусы, иногда даже изящные бронзовые изделия, а сами изготавливали женские украшения в «балтийском стиле».

В одежде, украшениях, оружии, во всём проявилось стремление балтов к красоте. Все их изделия были богато орнаментированы. Особенно они любили изображать геометрические узоры. Чрезвычайно разнообразными были украшения женщин: головные венки, шейные гривны, бусы, браслеты, фибулы (застёжки для плащей), булавки, перстни. В своих орнаментах балты использовали красные, зелёные, синие, голубые цвета.

Была у них и своя самобытная религия. Римский историк Тацит писал, что балты верят в «праматерь богов и как отличительный знак своего культа носят на себе изображение кабанов; они им заменяют оружие и оберегают почитающих богиню даже в гуще врагов».

Игорь ОЗЁРСКИЙ

Прозаик, автор романа «Безмянные» (лауреат Всероссийской литературной премии «ГИПЕРТЕКСТ», 2023). Рассказы публиковались в журналах: «Аврора», «Бельские просторы», «Кольцо А», «Турист», на порталах «Год-Литературы.РФ», «Дегуста.ру», «Печорин.нет», в сборниках издательств «У Никитских ворот» и «Перископ». Лауреат I Открытого межрегионального молодёжного литературного конкурса фантастического рассказа, посвящённого юбилею советского писателя-фантаста Н.В. Томана (2021), финалистом нескольких литературных конкурсов: детективного рассказа «Детектив Достоевский» (2021), «Северная звезда» журнала «Север» (2021), «Ближний космос» (2021), «Мгинские мосты» (2021). Полуфиналист Международной молодёжной премии «Восхождение» (2021, Русский ПЕН-центр).

МЕСТО

«...зря ты сюда пришёл. Места хуже этого точно нет. Да быть-то, собственно, и не может. Сам подумай: сидишь вот здесь, на перроне, укутываешься в пальто, ждёшь поезд, а прибудет он или нет — одному богу известно. А значит, что даже если ожидать осталось недолго, то это время, каким бы ничтожным оно ни было, растягивается до бесконечности. Это неизвестность пагубно сказывается на каждом его отрезке. Превращает секунды в минуты, часы — в дни и годы, заставляет сидеть и вслушиваться в ледяные порывы ветра: донесут ли они звуки поезда, или, быть может, дадут другой намёк, пусть даже едва различимый или совсем призрачный. В любом случае, этот намёк — единственное, что способно подарить надежду. Надежда — главный враг неизвестности. Абсолютный её антоним и мощное противоядие, что так необходимо. А вместе с тем — звуки поезда. Да и сам поезд тоже.

Всё бы ничего, только скамьи здесь сильно твёрдые. Как бетон. И нет спинок. Но хуже всего не это. И даже не неизвестность. Поезд-то, скорее всего, прибудет. И прибудет вовремя... Но получится ли на него сесть? Может статься, что поезд окажется не тот. И что следует он совсем не в том направлении. Конечно, при большом желании, можно и на него сесть, только надо ли тебе туда, куда не тот поезд едет?

Или всё ещё сложнее: надо ли тебе вообще куда-нибудь? Хотя, если не надо, зачем бы ты здесь сидел? Если только не заблудился или не попал сюда по ошибке. Может ты заблудился? Или произошла ошибка? А билет у тебя есть? Покажи мне его.

Как, и у тебя нет билета?! Ты в этом уверен? Поищи. Поищи внимательно...

В билете вся самая важная информация. Очень важная! Я бы даже сказал — фундаментальная: «во сколько» и «куда». Время опрвления и пункт прибытия. Обладай мы подобным знанием, всё стало бы куда проще...

Ты не нашёл свой билет? А времени сколько, знаешь?

Нет часов? Как же ты без часов планировал попасть на поезд? Может, опять скажешь, что и ехать никуда не собирался?.. Нет, такое никак невозможно. Здесь-то оставаться негде, посмотри: одни лишь скамьи. Вон, тянутся невесть знает докуда...

Странно, сейчас так безлюдно. Совсем недавно было наоборот. И хоть поезда я не видел, многие куда-то делись... Может, им надоело ждать? И они ушли? Только куда отсюда можно уйти?.. Ты что-нибудь видел поблизости?

И я тоже — нет...

Ну что, всё обыскал? Нет билета? Во внутреннем кармане проверил?

Я-то свой уже давно потерял. Так давно, что не вспомню, что в нём значилось, и значилось ли вообще что-то. Нет, это нисколько меня не расстраивает. Что действительно хочется знать, так это время. Но его всегда можно уточнить у Дежурного. Видел Дежурного? Пробежал здесь недавно. Кстати, тот самый, у которого когда-то я спрашивал про свой билет. Он тогда посмотрел на меня как-то странно. Словно и не человек я вовсе, а бродячий пёс. Может, он, конечно, языка моего не понял, но его глаза, опущенные на меня сверху, будто не фокусировались. И тогда я задал другой вопрос: можно ли приобрести билет прямо в поезде? Дежурный, не отвечая, двинулся дальше, но мне показалось, что он едва заметно кивнул, но, опять же, это не точно. То ли кивнул, то ли тряхнул головой — не ясно. Дежурный в целом двигался как-то странно. Подёргивался, словно брезгливо стряхивал незначительное насекомое с лацкана пиджака. Но даже если Дежурный кивнул мне, это всё равно ничего не меняет — какая разница, продаются билеты в поезде или нет? Прибудет-то поезд всё равно нескоро. А даже если наоборот, от этого совсем не легче, ведь каждая минута здесь одинаково бесконечна.

Но вот если бы у нас имелся билет, хотя бы один на двоих, мы могли бы спросить у Дежурного время. Конечно, он проходит здесь редко и делает это ужасно быстро, так быстро, что порой и сказать ничего не успеваешь. Поэтому как завидишь Дежурного, сразу говори мне. И хоть билетов у нас нет и время знать ни к чему, мы просто спросим его: когда прибудет поезд. Уверен, что он ответит. Всё дело в том, что в прошлый раз, когда я общался с Дежурным, то очень поспешно поднялся со скамьи и подошёл к нему слишком близко. Наверное, это сбило Дежурного с толку, оттого он и был так взволнован и странно на меня смотрел. В этот раз мы не станем подходить близко... Не будем даже вставать со скамьи. Крикнем прямо отсюда, вот так: «Эй, Дежурный! Когда будет поезд?»

Пусть невежливо, но иначе никак. Уверен, тогда Дежурный ответит. Нет же причин не отвечать, ведь так? Конечно, с другой стороны, это не его работа: сообщать о поезде. Дежурный следит за порядком и имеет много других важных дел. Не просто же так он постоянно спешит. Не будь у него дел, он ходил бы медленно, смотрел по сторонам, придавая себе важности плавными поворотами головы. При этом Дежурный всё время торопится, совершенно не стесняясь того, что это выдаёт в нём служащего, в то время как мы, находящиеся здесь, полностью освобождены от каких-либо обязанностей или забот. И получается, наше положение более выигрышное, ведь мы только сидим здесь и ничего не делаем, в то

время как у Дежурного много тяжёлой работы. Может тогда и не стоит отвлекать его от обязанностей? Дёргать по всяким там пустякам. Билетов-то у нас нет, и кто знает, как наша бестактность может сказаться в будущем...

Представь картину: прибудет поезд, завяжется разговор с начальником поезда, а тут Дежурный, к которому мы приставали с вопросами. Вероятно, не со зла, и, скорее всего, именно так, но Дежурный, завидев наше общение, может обмолвиться при начальнике поезда, что в курсе всей ситуации: и про время, и про билеты. И начальник поезда побоится предоставить нам место и нарушить тем самым правила. Хотя, кто знает, какие здесь правила? Вдруг и правил-то нет никаких. И даже билетов не требуется. И зависит всё не от начальника поезда, и даже не от проводника, и не от Дежурного, а от того, готовы ли мы сами пустить себя в поезд. Позволить себе войти в него. Кто знает, может, и поезд всего один, и движется он в одном направлении. Путей-то здесь, я смотрю, немного. Если не сказать обратного...

Эй, ты куда? Куда ты пошёл?! Остановись!!! Это ж я так, не серьёз... Тебя же Дежурный увидит! Ну не бежать же мне за тобой! Осторожно, ты сейчас расшибёшься о ре...

Эй! Ты где? Где?!

Куда он пропал?! Дежурный!!! Дежурный, человек куда-то пропал! Сколько времени, скажите, умоляю вас! Где мой поезд?! Где мой билет? Дежурный... Что ж, не хотите говорить — не надо. Не говорите мне ничего...

Да, конечно, садитесь. Только зря вы сюда пришли. Места хуже этого точно нет. Да, быть-то, собственно, и не может. Сами подумайте... Да нет же! Не про ваше место я говорю. В целом обо всём об этом. Взгляните! Взгляните же! А лавки! Они словно вылиты из бетона! Спинки, и тех нет! Это я ещё не рассказал вам про поезд! Вы пока проверьте билет. Проверьте! Время отправления, пункт прибытия... Хотя нет в этом смысла. Нет никакого билета. Да и поезда, быть может, тоже...

Дежурный!! Дежурный!!! Сколько мне ещё здесь сидеть?!

Вы его видели? Видели?!

Это Дежурный...

Пробежал так быстро...

Раньше он никогда так быстро не бегал. Наверное, знал, что стану его допрашивать. Неужели ему самому это не надоело? Ну, помог бы уже найти этот поезд. Но нет же! Лучше пугать носиться туда-сюда. Мы этого Дежурного и с вашим предшественником обсуждали. На нём ещё пальто было.

Вы не нашли свой билет?

Вот, и у меня нет билета...

И у парня до вас его тоже не было — у того, что в пальто. Жаль, он мне пальто не оставил. А вы, я смотрю, раздеты... Вам не холодно? Я был дал вам пальто, если б оно у меня было. Может, будь у меня пальто, и я его здесь всем предлагал, поезд пришёл бы за мной быстрее?..

Но, как видите, у меня нет пальто.

Ни его, ни поезда, ни надежды...

Только вы ещё не знаете главного! Пододвиньтесь ближе, чтобы Дежурный нас не услышал. Хотя ему вряд ли есть до этого какое-то дело. Так слушайте же: людей на перроне до вас было больше. Но поезда не было ни одного. Ни одного, понимаете?! Люди встают со скамей

и уходят! Просто уходят. Хотя куда им идти! Вы что думаете, это всё так — временно?.. Как знать, как знать... Но если вдруг так случится, что вы надумаете куда-нибудь идти, не забудьте, пожалуйста, про меня. Просто скажите: «Пойдём!»

И я пойду!

Встану со скамьи и пойду. Я же рассказывал, как однажды подходил к Дежурному? О-о, он так на меня посмотрел... Никогда больше не хочу выносить на себе этот взгляд. Вы слышите меня?! Слышите, что я вам говорю?! Если у вас возникнет хотя бы малейшее желание подняться с этой скамьи, сразу же сообщите об этом мне. Сразу!

С другой стороны, что мне с этого? Ну, встану я вместе с вами, а дальше... И подняться-то ещё для начала нужно. Когда долго сидишь — и такая задача становится не из лёгких. Порой начинает казаться, что со временем, которое так невозмутимо скрывает Дежурный, становишься частью этого места. Одним из элементов перрона. Спинкой бетонной скамьи. И подняться означает подняться с собой ВСЁ: и скамью, и перрон, что, конечно же, никак невозможно...

И хоть к Дежурному я подбегал, но, во-первых, это было давно, во-вторых: одно дело Дежурный, а поезд... совсем другое. А значит основной вопрос звучит так:

Позволишь ли ты сам себе попасть в поезд?

На перроне им задаётся каждый. По крайней мере те, кто ожидает так же долго, как и я. Только их почему-то не видно. Иногда немного слышно. Да и то лишь тени их тяжёлых возгласов. Наверное, жалуются, что скамьи твёрдые и спинки нет. Были бы спинки, тогда, конечно, другое дело...

Поезд? Ну, а что поезд? Видимо, каждому свой этот поезд. Багаж-то у всех разный. Вот у вас есть багаж? Нет? И у меня нет. В этом-то всё и дело! С багажом в поезд нельзя... Но если бы багаж имелся, можно было бы его сбросить, а сбросить себя самого — увы, невозможно никак.

Погодите! Куда Вы?! Куда!!! Я же просил предупредить меня! Остановитесь!!! Нет!! Дежурный!!! Дежурный! Человек уходит!! Скажите, который сейчас час... Сколько времени, скажите, умоляю вас! Где мой поезд? Дежурный! Который час...

Что ж, не хотите говорить — не надо. Не говорите мне ничего.

Рано или поздно поезд должен прибыть. Я это точно знаю. Не может он не прибыть. Не бывает иначе. Даже в том случае, если к каждому поезд пребывает свой. И каждый только свой поезд и ждёт.

А грехи...

Грехи, к сожалению, не лежат в чемоданах. Грехи — не более чем те ошибки, которые мы сами себе не можем простить. Неужто поезд, такой большой, с множеством вагонов, не в состоянии вынести столь незначительную ношу? Нет, в это я не верю. Но если на то пошло, прощать я умею. Даже себя самого. Помнить бы только те ошибки, за которые стоит себя винить, ведь их-то, быть может, и нет совсем. И если так, то получается, и грехов никаких нет... Но тогда и поезд давно б пришёл. А его всё нет и нет.

И билета у меня тоже нет.

Да, конечно, садись. Только зря ты сюда пришла...»

ЦВЕТОЧНЫЕ ПОЛЯНЫ ЕЛЕНА ПИМКИНОЙ

Орёл – город, в котором множество творческих людей: писателей, поэтов, музыкантов, художников...

Некоторые совмещают в себе несколько творческих профессий.

Елена Пимкина – журналист, поэт, писатель, художник – делится с читателями историей своих творческих предпочтений.

И предсказуемые пути неисповедимы...

В нашей семье все так или иначе имели имеют отношение к искусству. Прадед по отцу писал иконы. Обожаемая мною бабушка по маме сочиняла стихи, а её московская сестра даже написала в своё время несколько сценариев для Малого театра. Мои родители – художники, дочь – дизайнер. Разве можно было в такой семье идти другим путём?

Стихи я сочиняла с тех пор, как выучилась писать. Ложась спать, клала под подушку один из томов Александра Блока. Символьные, наполненные романтикой строки из его произведений приходили ко мне в сновидениях в различных образах, которые я иногда рисовала. Помнится, даже экзаменационное сочинение на свободную тему в восьмом классе я написала в стихах, за что получила «отлично». Всё шло к тому, чтобы мой выбор профессии обратился в сторону творчества.

Так и случилось. В журналистику я окунулась с головой, с большим энтузиазмом бралась за театральные рецензии, интервью с богемой. Но разве может журналист, любящий своё дело, оставаться вне социума? Много лет из своей жизни я посвятила социальной журналистике, защищая людей и часто имея из-за этого проблемы. Наградой за мои труды стала тогда победа во Всероссийском конкурсе Союза журналистов России в номинации «За профессиональное мастерство» в г. Москве – за серию работ по защите прав граждан, а расплатой за журналистское своеволие – увольнение с работы в Орле. Мосты были сожжены. Надо было строить путь заново вне любимой профессии.

При этом я никогда не выпускала надолго кисти из рук. На картинах появлялись странные для большинства события, города и люди, всё было каким-то нереальным, сюрреалистичным и абстрактным одновременно. Это была как бы моя вторая жизнь, но за стеклом, ограждённая от суеты.

В мастерской

Ученики за работой в мастерской

Поэтому, когда пришлось уволиться с работы в силу своих убеждений, я вошла в мастерскую – мой храм искусства, моё убежище, мой маленький остров грёз.

Вхождение в тайны

Однажды я начала писать цветы. Денег на масляные краски тогда не было. Работы тоже. Неожиданно к творчеству меня подвигла акварель, а может, мой Ангел-хранитель подсказал, я ведь верю в Ангелов. Цветы вошли в творчество легко. Возможно, так вливается в человека космическая энергия, объяснить неожиданное прикосновение к которой он не может. Но я родилась в семье художников, поэтому многое из необъяснимого для меня вполне понятно. Не раз в детстве я наблюдала, как мама ставила цветочные натюрморты, которые во все времена года наполняли мастерскую ароматом и фантазиями, как подбирала к постановкам ткани: бархат тёплых оттенков обрамлял лепестки кремовых роз, а шёлк будто проливался сиреневым и изумрудным под вазой с фиолетовыми ирисами...

Эти чудесные превращения особенно стали интересны при работе с акварельными красками, которые благодаря водной основе дают возможность вливания цвета в цвет и появлению неожиданных хаотичных деталей и оттенков. Экспериментируя над новыми цветочными образами, я начала экспериментировать и с фактурами. Таким образом акриловый грунт органично вписался в мои акварели и дал возможность двигаться дальше в постижении таинства творчества, развивать и осваивать новые техники. Цветы заиграли неожиданными образами, смешивая реальное и ирреальное в единое целое.

Ангелы-хранители

Я как-будто растворялась в новых идеях, даря жизнь и придумывая названия своим картинам. Так появились «Унесённые ветром», «Песни августа по нотам Баха», «Пионовый опиум», «Розы Летнего сада», «Ирисы от Сальвадора Дали» и др. С акварелью «Памяти Михаила Врубеля» я поучаствовала в Международной выставке в музее Марины Цветаевой в Москве. Таким образом цветы меня спасли от депрессии и негатива, познакомили с новыми интересными людьми, став моими Ангелами-хранителями. Ещё Гиппократ говорил, что врач лечит, а природа исцеляет. Кстати, у моей мамы есть картина с изображением полевых цветов, которая так и называется «Ангелы-хранители».

Маленькие истории

Маленькие истории этих данных нам космосом и природой цветочных существ имеют свои особенности и часто уводят в глубокое прошлое, наполненное легендами и сказками. Например, ирис. О том, когда появился этот цветок и какова его история, есть несколько версий. Слово «ирис» в переводе с греческого означает «радуга». Вероятно, поэтому в цветовой палитре ирисов столько разных оттенков. Бытует мнение, что за радостно окрашенные, покрытые тончайшей сеточкой и обладающие изящной пластикой цветы, Гиппократ назвал ирис именем греческой богини Ириды,

опускавшейся на землю, чтобы возвещать людям волю богов.

Зная истории цветов и беря в руки кисть, мысленно оказываешься как бы в других пространствах и измерениях. Просто дух захватывает, когда видишь метаморфозы, которые происходят при твоём непосредственном участии с желанными для тебя цветами на листе бумаги или холста. Я думаю, что в моменты взаимодействия с живописью художникам, пишущим цветы, часто открываются цветочные души и их кармы. Мы выбираем их, а они выбирают нас, доверяя свои таинства и даря особые знания. По крайней мере, так происходит со мной, и это уже моя история, как художника.

Записала Екатерина Романова

Розы с японским акцентом

Пионовый опиум

Мемориальный Дом-музей В.А. Русанова был открыт 25 декабря 1982 года в городе Орле. Вот уже более 40 лет сотрудники музея бережно хранят память о выдающемся полярном исследователе, геологе Владимире Русанове. Несмотря на возрастающий интерес общественности к Арктике, имена людей, стоявших у истоков освоения русского севера, остаются неизвестными для широкого круга лиц. В 2025 году исполнится 150 лет со дня рождения В.А. Русанова. Мы надеемся, что литературный конкурс «Дорога в Арктику», посвящённый памяти Владимира Русанова, станет хорошей возможностью напомнить об уникальной личности Владимира Александровича, о том следе в истории освоения Арктики, который он оставил, привлечет внимание молодёжи и будет способствовать воспитанию патриотизма и национальной гордости.

Светлана ВЕТРОВА,
заведующая Дома-музея В.А. Русанова в Орле

Два капитана

Представители многих поколений хорошо знают и любят роман Вениамина Каверина «Два капитана». Посетители Дома-музея В.А. Русанова часто задают вопрос: «Иван Татаринов – это Владимир Русанов?» Здесь необходимо заметить, что образ капитана Татаринова собирательный. Во многих источниках можно встретить информацию о том, что прототипами капитана были три руководителя русских полярных экспедиций, которые отправились в Арктику в 1912 году: Георгий Брусилов, Георгий Седов и Владимир Русанов. Организация экспедиции, ход дрейфа – это Седов и Брусилов, возможное открытие ранее неизвестной земли (Северной Земли) – Русанов.

Владимир Александрович Русанов – геолог, полярный исследователь, родился в городе Орле в купеческой семье 15 ноября 1875 года. В Орле, в доме, где теперь находится музей, прошли детские и юношеские годы Владимира Русанова. Учился будущий полярник в Орловской мужской классической гимназии, затем в Орловской духовной семинарии. В юности принимал участие в революционном движении. После отбытия политической ссылки эмигрировал во Францию, где закончил естественный факультет Сорбонны.

Увлечённый Арктикой, Русанов пять экспедиций посвятил Новой Земле. Он первым из русских учёных совершил обход Северного и Южного островов Новой Земли, положил начало целому ряду новых направлений в исследовании полярных окраин России. В своих работах Владимир Русанов научно обосновал проблемы освоения Северного морского пути. «До сих пор с непоколебимым и непонятным упорством стараются пройти в Сибирь через Карское море, огибая или Новую Землю, или Вайгач возможно южнее: через Югорский Шар, через Карские Ворота, в более редких случаях через Маточкин Шар. Я предлагаю как раз обратное. Я предлагаю огибать Новую Землю как можно севернее...», – писал Владимир Русанов в своей статье (*Владимир Александрович Русанов. Статьи, лекции, письма. Издательство Главсевморпути. М.-Л., 1945. С. 64.*)

В 1912 году, завершив исследования на архипелаге Шпицберген, установив 28 заявок на месторождения каменного угля и закрепив права России на Шпицбергене, экспедиция Владимира Русанова взяла курс на восток и... исчезла в бескрайних просторах Арктики. Разгадкой тайны гибели «Геркулеса», исчезновения одиннадцати участников экспедиции занимались многие исследователи. В 70-е годы XX века поиск вела экспедиция газеты «Комсомольская правда», с 1988 года – орловская экспедиция «Путями землепроходцев».

В разные годы в Арктике было найдено множество пред-

метов, принадлежавших русановцам, но место гибели не обнаружено, и тайна продолжает существовать.

В 1947 году на Северной Земле, на северо-восточном побережье острова Большевик, в глубине залива Ахматова, были обнаружены фрагменты человеческого скелета, а также пять вскрытых консервных банок, обломки досок, скреплённых болтами, остатки костра. Предположили, что это следы лагеря Русанова. К тому же маршрут с выходом на Северную Землю (о существовании которой Владимир Русанов не знал, поскольку она была открыта экспедицией Вилькицкого лишь в сентябре 1913 года) в целом совпадал с тем, что был указан в последней телеграмме из Маточкиного Шара. Однако версия о том, что это был лагерь русановцев, не подтвердилась (*Корякин В.С. Русанов. М., 2005. С. 325-326.*). Гипотеза о возможном открытии Русановым Северной Земли оказалась очень живой, возможно, именно это предположение и стало причиной того, что Русанова считают прототипом Татаринова.

Когда готовился к открытию Дом-музей В.А. Русанова, его сотрудники вели переписку со многими полярниками, организациями, в том числе связывались с В.А. Кавериним.

Письмо от 2 августа 1982 года: «Уважаемый Вениамин Александрович! В нашем городе создаётся и готовится к открытию музей полярного исследователя Владимира Александровича Русанова! Нам хорошо знакома и дорога Ваша книга «Два капитана». <...> Нам, работникам музея, будет очень интересно, если Вы поделитесь воспоминаниями о работе над книгой, найдёте возможность выслать в адрес музея материалы, связанные с созданием книги, может быть, сохранились рукописные страницы тех лет <...>. Зав. музеем Титова В.В.» (*ОКМ. Архив. Д. 2561. № 8. Л. 27.*)

Письмо от 5 июля 1984 года: «Уважаемый Вениамин Александрович! <...> Гости нашего музея спрашивают: Иван Татаринов – это Владимир Русанов? Мы отвечаем – нет. Может быть, мы не правы? <...> Мы долго искали для экспозиции нашего музея книгу «Два капитана». Теперь она у нас есть. Нам бы получить от Вас экземпляр Вашего романа с пожеланиями музею. Зав. музеем Титова В.В.» (*Там же. Л. 29.*)

Письмо от 10 июля 1984 года: «Уважаемая Валентина Васильевна! Вы спрашиваете о прототипе главного героя моих «Двух капитанов». Конечно, о подвиге Русанова я знал. Но о нём самом, когда писал роман, знал очень мало, в то время как материалы, связанные с судьбой Седова (и отчасти Брусилова), были под рукой. Ещё жива была вдова Седова и Николай Васильевич Пинегин, приведший шхуну «Св. Фока» на родину после смерти Седова. Так что в основу прототипа моего капитана Татаринова я положил личность Седова, а историю дрейфа основал на истории дрейфа Брусилова. Разумеется, я охотно напишу пожелания Вашему музею на моей книге. Желаю Вам успеха в Вашей благородной работе. В. Каверин» (*Там же. Л. 26.*)

Книга с автографом В. Каверина хранится в библиотеке Дома-музея В.А. Русанова.

ПИСЬМО К ЧИТАТЕЛЯМ В. КАВЕРИНА (ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ РОМАНА «ДВА КАПИТАНА»)

Мне уже случалось отвечать на ваши письма по поводу моего романа «Два капитана», но, должно быть, многие из вас не слышали моего ответа (я выступал по радио), потому что письма продолжают приходить. Оставлять письма без ответа невежливо, и я пользуюсь случаем, чтобы принести извинения всем моим корреспондентам – маленьким и взрослым.

Вопросы, которые задают мои корреспонденты, касаются прежде всего двух главных героев моего романа – Сани Григорьева и капитана Татаринова. Многие ребята спрашивают: не рассказал ли я в «Двух капитанах» собственную жизнь? Другие интересуются: выдумал ли я историю капитана Татаринова? Третьи разыскивают эту фамилию в географических книгах, в энциклопедических словарях – и недоумевают, убеждаясь в том, что деятельность капитана Татаринова не оставила заметных следов в истории завоевания Арктики. Четвёртые хотят узнать, где в данное время живут Саня и Катя Татаринова и какое воинское звание присвоено Сане после войны. Пятые делятся со мной впечатлениями от романа, прибавляя, что они закрывали книгу с чувством бодрости, энергии, думая о пользе и счастье Отчизны. Это самые дорогие письма, которые я не мог читать без радостного волнения. Наконец, шестые советуются с автором, какому делу посвятить свою жизнь.

Мать самого озорного в городе мальчика, шутки которого граничили порой с хулиганством, написала мне, что после чтения моего романа её сын совершенно переменялся. Режиссёр белорусского театра пишет мне, что юношеская клятва моих героев помогла его труппе своими руками восстановить разрушенный немцами театр. Юноша-индонезиец, отправлявшийся на родину, чтобы защищать её от нападения голландских империалистов, написал мне, что «Два капитана» вложили в его руки острое оружие и это оружие называется «Бороться и искать, найти и не сдаваться».

Я писал роман около пяти лет. Когда первый том был закончен, началась война, и лишь в начале сорок четвёртого года мне удалось вернуться к своей работе. Первая мысль о романе возникла в 1937 году, когда я встретился с человеком, который под именем Сани Григорьева выведен в «Двух капитанах». Этот человек рассказал мне свою жизнь, полную труда, вдохновения и любви к своей Родине и своему делу.

С первых страниц я взял за правило не выдумывать ничего или почти ничего. И действительно, даже столь необычайные подробности, как немота маленького Сани, не выдуманы мною. Его мать и отец, сестра и товарищи написаны именно такими, какими они впервые предстали передо мной в рассказе моего случайного знакомого, впоследствии ставшего моим другом. О некоторых героях будущей книги я узнал от него очень мало; например, Кораблёв был нарисован в этом рассказе лишь двумя-тремя чертами:

острый, внимательный взгляд, неизменно заставлявший школьников говорить правду, усы, трость и способность засиживаться над книгой до глубокой ночи. Остальное должно было дорисовать воображение автора, стремившегося написать фигуру советского педагога.

В сущности, история, которую я услышал, была очень проста. Это была история мальчика, у которого было трудное детство и которого воспитало советское общество – люди, ставшие для него родными и поддерживавшие мечту, с ранних лет загоревшуюся в его пылком и справедливом сердце.

Почти все обстоятельства жизни этого мальчика, потом юноши и взрослого человека сохранены в «Двух капитанах». Но детство его прошло на Средней Волге, школьные годы – в Ташкенте – места, которые я знаю сравнительно плохо. Поэтому я перенёс место действия в свой родной городок, назвав его Энском. Недаром же мои земляки легко разгадывают подлинное название города, в котором родился и вырос Саня Григорьев! Мои школьные годы (последние классы) протекли в Москве, и нарисовать в своей книге московскую школу начала двадцатых годов я мог с большей верностью, чем ташкентскую, которую не имел возможности написать с натуры.

Здесь, кстати, уместно будет вспомнить ещё об одном вопросе, который задают мне мои корреспонденты: в какой мере автобиографичен роман «Два капитана»? В значительной мере всё, что видел с первой до последней страницы Саня Григорьев, видел собственными глазами автор, жизнь которого шла параллельно жизни героя. Но когда в сюжет книги вошла профессия Сани Григорьева, мне пришлось оставить «личные» материалы и приняться за изучение жизни лётчика, о которой я прежде знал очень мало. Вот почему, дорогие ребята, вы легко поймёте мою гордость, когда с борта самолёта, направившегося в 1940 году под командованием Черевичного на исследование высоких широт, я получил радиogramму, в которой штурман Аккуратов от имени команды приветствовал мой роман.

Должен заметить, что огромную, неоценимую помощь в изучении лётного дела оказал мне старший лейтенант Самуил Яковлевич Клебанов, погибший смертью героя в 1943 году. Это был талантливый лётчик, самоотверженный офицер и прекрасный, чистый человек. Я гордился его дружбой.

Трудно или даже невозможно с исчерпывающей полнотой ответить на вопрос, как создаётся та или другая фигура героя литературного произведения, в особенности если рассказ ведётся от первого лица. Помимо тех наблюдений, воспоминаний, впечатлений, о которых я написал, в мою книгу вошли тысячи других, которые не относились непосредственно к истории, рассказанной мне и послужившей основой для «Двух капитанов». Вы, разумеется, знаете, какую огромную роль в работе писателя играет воображение. Именно о нём-то и нужно сказать прежде всего, переходя к

истории моего второго главного героя – капитана Татаринова.

Не ищите этого имени, дорогие ребята, в энциклопедических словарях! Не старайтесь доказывать, как это сделал один мальчик на уроке географии, что Северную Землю открыл Татаринов, а не Вилькицкий. Для моего «старшего капитана» я воспользовался историей двух отважных завоевателей Крайнего Севера. У одного я взял мужественный и ясный характер, чистоту мысли, ясность цели – всё, что отличает человека большой души. Это был Седов. У другого – фактическую историю его путешествия. Это был Брусилов. Дрейф моей «Св. Марии» совершенно точно повторяет дрейф брусиловской «Св. Анны». Дневник штурмана Климова, приведённый в моём романе, полностью основан на дневнике штурмана «Св. Анны», Альбанова – одного из двух оставшихся в живых участников этой трагической экспедиции. Однако только исторические материалы оказались мне недостаточными. Я знал, что в Ленинграде живёт художник и писатель Николай Васильевич Пинегин, друг Седова, один из тех, кто после его гибели привёл шхуну «Св. Фока» на Большую Землю. Мы встретились – и Пинегин не только рассказал мне много нового о Седове, не только с необычайной отчётливостью нарисовал его облик, но объяснил трагедию его жизни – жизни великого исследователя и путешественника, который был не признан и оклеветан реакционными слоями общества царской России.

Летом 1941 года я усиленно работал над вторым томом, в котором мне хотелось широко использовать историю знаменитого лётчика Леваневского. План был уже окончательно обдуман, материалы изучены, первые главы написаны. Известный учёный-полярник Визе одобрил содержание будущих «арктических» глав и рассказал мне много интересного о работе поисковых партий. Но началась война, и мне пришлось надолго оставить самую мысль об окончании романа. Я писал фронтовые корреспонденции, военные очерки, рассказы. Однако, должно быть, надежда на возвращение к «Двум капитанам» не совсем покинула меня, иначе я не обратился бы к редактору «Известий» с просьбой отправить меня на Северный флот. Именно там, среди лётчиков и подводников Северного флота, я понял, в каком направлении нужно работать над вторым томом романа. Я понял, что облик героев моей книги будет расплывчат, неясен, если я не расскажу о том, как они вместе со всем советским народом перенесли тяжёлые испытания войны и победили.

По книгам, по рассказам, по личным впечатлениям я знал, что представляла собой в мирное время жизнь тех, кто, не жалея сил, самоотверженно трудился над превращением Крайнего Севера в весёлый, гостеприимный край: открывал его неисчислимые богатства за Полярным кругом, строил города, пристани, шахты, заводы. Теперь, во время войны, я увидел, как вся эта могучая энергия была брошена на защиту родных мест, как мирные завоеватели Севера стали неукротимыми защитниками своих завоеваний. Мне могут возразить, что в каждом уголке нашей страны произошло то же самое. Конечно, да, но суровая обстановка Крайнего Севера придавала этому повороту особенный, глубоко выразительный характер.

Незабываемые впечатления тех лет лишь в небольшой степени вошли в мой роман, и, когда я перелистываю свои старые блокноты, мне хочется приняться за давно задуманную книгу, посвящённую истории советского моряка.

Я перечитал своё письмо и убедился в том, что мне не удалось ответить на огромное, подавляющее большинство ваших вопросов: кто послужил прообразом Николая Антоновича? Откуда взял я Нину Капитоновну? В какой мере правдиво рассказана история любви Сани и Кати?

Чтобы ответить на эти вопросы, мне следовало бы хоть приблизительно взвесить, в какой мере в создании той или другой фигуры участвовала реальная жизнь. Но по отношению к Николаю Антоновичу, например, взвешивать ничего не придётся: лишь некоторые черты его внешности изменены в моём портрете, изображающем совершенно точно директора той московской школы, которую я окончил в 1919 году. Это относится и к Нине Капитоновне, которую ещё недавно можно было встретить на Сивцевом Вражке, в той же зелёной безрукавке и с той же кошёлкой в руке. Что касается любви Сани и Кати, то мне был рассказан лишь юношеский период этой истории. Воспользовавшись правом романиста, я сделал из этого рассказа свои выводы – естественные, как мне казалось, для героев моей книги.

Вот случай, который хотя и косвенным образом, но всё же отвечает на вопрос, правдива ли история любви Сани и Кати.

Однажды я получил письмо из Орджоникидзе. «Прочтя ваш роман, – писала мне некая Ирина Н., – я убедилась в том, что вы тот человек, которого я разыскиваю вот уже семнадцать лет. В этом меня убеждают не только упомянутые в романе подробности моей жизни, которые могли быть известны только вам, но места и даже даты наших встреч – на Триумфальной площади, у Большого театра...» Я ответил, что никогда не встречался с моей корреспонденткой ни в Триумфальном сквере, ни у Большого театра и что мне остаётся только навести справки у того полярного лётчика, который послужил прообразом для моего героя. Началась война, и эта странная переписка оборвалась.

Ещё один случай вспомнился мне в связи с письмом Ирины Н., которая невольно поставила полный знак равенства между литературой и жизнью. Во время ленинградской блокады, в суровые, навсегда памятные дни поздней осени 1941 года, Ленинградский радиокомитет обратился ко мне с просьбой выступить от имени Сани Григорьева с обращением к комсомольцам Балтики. Я возразил, что хотя в лице Сани Григорьева выведен определённый человек, лётчик-бомбардировщик, действовавший в то время на Центральном фронте, тем не менее это всё-таки литературный герой.

– Мы это знаем, – был ответ. – Но это ничему не мешает. Говорите так, как будто фамилию вашего литературного героя можно найти в телефонной книжке.

Я согласился. От имени Сани Григорьева я написал обращение к комсомольцам Ленинграда и Балтики – и в ответ на имя «литературного героя» посыпались письма, содержавшие обещание бороться до последней капли крови и дышавшие уверенностью в победе.

Мне хочется закончить своё письмо словами, которыми по просьбе московских школьников я пытался определить главную мысль своего романа: «Куда шли мои капитаны? Вглядитесь в следы их саней на ослепительно-белом снегу! Это рельсовый путь науки, которая смотрит вперёд. Помните же, что нет ничего прекраснее, чем этот тяжёлый путь. Помните, что самые могущественные силы души – это терпение, мужество и любовь к своей стране, к своему делу».

СНТО-СНИТАТ-ДЕТУАМ.РУ

МУЗЕЙ, ГДЕ ВСЕГДА ИНТЕРЕСНО

питанники Академии смешанных единоборств «Вятич» под руководством Сергея Дмитриева. В ходе экскурсии ребята ознакомились с новой экспозицией, а также смогли поддержать в своих руках макеты стрелкового вооружения времён Великой Отечественной войны. Юные спортсмены задавали большое количество вопросов, на которые бойцы поискового отряда «Безымянный солдат» с удовольствием ответили.

Весьма популярен у горожан и гостей нашего города Военно-исторический музей при Среднерусском институте управления-филиале РАНХиГС, который возглавляет Николай Андреев. Он регулярно со студентами отправляется на «Вахту Памяти», ведёт раскопки павших бойцов, считающихся «без вести пропавшими», кропотливо восстанавливает подлинную историю времён оккупации и освобождения Орловщины.

В один из дней музей посетили вос-

Алексей ШИХАЛЁВ

Родился 29 мая 1980 года в деревне Красный Ключ Малмыжского района Кировской области. Служил в миномётной батарее в Чеченской республике 2000-2002 год (Аргунское ущелье, г. Аргун). Работал в нефтегазовых компаниях (Ямал, Удмуртия). В настоящий момент ведущий инженер в Центральном банке РФ. Публиковался в журналах «Москва», «Бельские просторы», «Молодая гвардия», «Сибирь», «Нижний Новгород», «Крым», «Александр», «Инвожо», «Иные берега (VIERAAT RANNAT)» (Финляндия), «Балтика» (Эстония), а также газетах «День литературы» и «Литературный Крым». Живёт в Ижевске.

У БОГА ЗА СТОЛОМ

У Бога за столом
Мы собрались вчера.
Среди старинных книг
В небесном кабинете.

Часы считали дни,
Камин горел едва,
А в облачном саду
Гулял осенний ветер.

У Бога за столом
Среди старинных книг
На троне золотом
Судеб надёжный практик.

Поверх вселенской тьмы
Смотрел на нас старик,
И в пламенных глазах,
Мерцал огонь галактик.

Всё источало свет.
И было всё Добром.
В прозрачной тишине
Созвездия кружились.

Непримиримых нет
У Бога за столом.
И мы за тем столом
Навеки помирились.

Мои семнадцать
Иду по мостовым
В объятьях пьяных улиц.
Под солнцем фонарей
Течёт с небес вода.

Мои семнадцать лет,
Хочу, чтоб вы вернулись,
Как возвращает ночь
К вокзалам поезда.

Иду за годом год,
И верю, может стать,
Что в облаке большом,
Устав к исходу дня,

Решит однажды Бог:
«Верну тебе семнадцать
За то, что среди дел
Не позабыл меня».

МЕСЯЦ

Юный месяц с жёлтыми боками,
В заливчатой шапке набекрень,
Связки звёзд укладывая в сани,
Мчался меж уснувших деревень.

Вдоль дорог прозрачный дым
струился.
Лес затих, предчувствуя весну.
Старый дед в избе перекрестился
Как обычно,
Отходя ко сну.

Тишина вокруг деревни вятской.
Спит река и белые холмы.
Только месяц в шапке заливчатой,
Скрыл в карман потерянные сны.

**ВЯТСКО-ПОЛЯНСКИЙ
МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ
ЗАВОД «МОЛОТ»**

Рождённый в суровые годы
Не волей надменных господ,
А волей простого народа,
Поднялся трудяга-завод.

Расправив железные плечи
И грудь — воплощённый металл,
Он молотом рук человеческих
Победу для фронта ковал.

Такая родная Победа,
Мы помним твоих кузнецов,
Мы все благодарные дети
В тени исполинских отцов.

Сегодня давно оттремели
В полях канонады боёв,
И жар раскалённой купели —
Лишь пепел огромных костров.

Под солнцем хлеба колосятся
На благо огромной страны,
Но молота гулкие звуки
И ныне над Вяткой слышны.

РАЛЬНИКИ

В воскресенье,
На майские праздники —
Мне с погодой опять повезло —
Я вернулся,
Весенние Ральники,
С юных лет дорогое село.

Впереди перелески с полянами,
Километры да шелест колёс.
Там бежит, соревнуясь с туманами,
Друг единственный —
старенький пёс.

Я вернулся.
Не скрою волнения.
В самом деле, иль кажется мне:
Всё своё, абсолютно знакомое:
Отчий дом и цветок на окне.

Жизнь летит,
Мы в ней вечные странники.
Летний полдень сменится зимой.
Пусть у всех на земле будут
Ральники —
Те, где мир и душевный покой.

Виктор МАНЬКОВ

Родился в 1964 году в г. Оса Пермской области. Речник по призванию.

Участник литературного объединения «Слово» г. Воткинска. Член Союза писателей Удмуртии и Союза писателей России. С 2017 г. полномочный представитель Международного литературно-музыкального клуба им. Игоря Царёва «Пятая стихия» по работе с регионами. С 2019 г. создатель и руководитель литературного проекта «Созвучие» (Удмуртия).

Автор книги стихов «Одушевлённые мечты». Печатался в журналах и альманахах: «Луч», «Территория жизни», «Мы — Воткинцы», «Чебаки», «Невская формула», «Фонарь», «Сборник лауреатов премии «Пятая стихия», «Параллели», «ЛитКузница», «Царицын», «Сказки народов России», «Современные записки», «Родина» и др.

Лауреат Международных литературных премий: им. Игоря Царёва «Пятая стихия», им. Николая Рубцова, «Золотое перо Руси» (Москва), «Фонарь» (Волгоград), Гран-При I Международного фестиваля литературы и культуры им. Александра Ширяевца «ЛитКузница» (Самара). Дипломант Международного фестиваля им. А.С. Пушкина «Ликующая муза» (Торжок).

ЗИМА ЗАТЯГИВАЕТ ПОЯС...

Зима затягивает пояс
Прикамья хваткой ножевой...
Пусть не Гиперборейский полюс,
не Заполярный, но живой

мирок закован ледоставом
в речных артериях Земли.
Стоят безжизненным составом
в отстое зимнем корабли.

Их тайный «sos» не для эфира,
за мерой с мёртвой водой,
вдали от Нота и Зефира
ведом Полярною звездой.

Не на мели и не на рифах
они, безмолвие храня,
платя по неземным тарифам,
земных надежд не хороня,

живут весенним пробуждением
на время скованной реки,
от Рождества до Воскресенья —
всем испытаньям вопреки.

ГОДЫ-МИЛИ

Смотри на воду в лунном серебре,
исследуй свет в полуночной игре
зеркальных мыслей, что века не смыли.
В привычном необычное открыв,
горя в воспоминаниях сырых,
скитаний отразятся годы-мили.

Непокорённым грозам и ветрам
блик лунный — исцеление от ран,
не шар, а шрам, который украшает.
И если ты бродяга-мореход —
рыбак-ловец украденных свобод,
вселенский блеск — удача пребольшая.

Небесный бубен, что в ночи застыл,
преображённый в тысячи светил,
уже не жар, а шарм воды и неба.

И если ты художник и поэт,
то этим состоянием согрет
непостоянства, устремлённым в небыль.

И если то не зрения обман,
ты встречи ждёшь с бегущей по волнам,
из всех земных — единственно самой,
и утопаешь в лунном серебре,
гадая на мерцающем ребре
Адама...

ОСЕННЕ-ДЕПРЕССИВНОЕ

Осень оземь бьёт леденящим градом,
вырывая с корнем комочки почвы...
А с тобой в пути неотступно рядом
бесприютный ангел — разносчик почты.

Что в себе таит взгляд его печальный,
вид одежд поблёкших, поникших крыльев,
и какой направил его начальник,
чтоб недужил болью земной, как былью?

Он бредёт и бредит, в озноб кидая
никому неведомой тёмной силой,
ну а может, доля его такая,
чтоб его с сумой по земле носило.

Он такой убогий, такой ранимый
с непосильной ношей повесток-писем,
а за каждой строчкою чьё-то имя,
где от воли Вышнего всяк зависим.

— Погоди, болезный, не жги наружу
внутренней струною надежды рваной,
дай почистить крылья, одежду, душу,
да твои земные заштопать раны.

Как бы не зашёл уже ум за разум
от лишений с тяжкой сумой-виною,
там у вас, наверное, нет заразы,
что накрыла твердь чумовой волною.

Наши маски-мысли врастают в лица,
мы вращаем в землю, чтоб с небом слиться...

ОЛЕГ ОГЛЕЗНЕВ (ОЛВИК ГАМОВ)

Родился в 1967 году в городе Воткинске. В 1996 году начал посещать занятия литературного объединения города Воткинска, появились первые публикации в газете «Воткинские вести». Стихотворения и прозаические миниатюры вошли в литературные альманахи «Мы воткинцы» и «Чебаки», печатался в газете «Трудовая вахта». В 2017 году вышел авторский сборник стихотворений и миниатюр «Неначатый дневник». Организатор ежегодного Межрегионального фестиваля творческих людей «Олегово логово» в д. Тамы Воткинского района. Принял участие, как один из авторов, в первом номере литературного журнала «Территория жизни» (Ижевск). В 2018 г. принят в Союз писателей Удмуртии. Участник международных литературных семинаров Дивеевского литературного союза в Нижнем Новгороде.

ТАЙНА ПУСТОТЫ

Я не был здесь, я не был здесь, поймите.
Я просто отражался в этом мире.
На фоне несвершившихся событий...
В деревне — в доме, в городе — в квартире.

Я был всегда в другом каком-то месте,
А это сон, и этот сон пройдёт.
Растает лёд, но прежде громко треснет,
И сон, проснувшись, вдруг уйдёт под лёд.

А с ним под лёд уйдут воспоминанья,
Обрывки фраз, картинок лоскуты.
Когда же я вернусь в своё сознание
И овладею тайной пустоты?

ФОТОКАРТОЧКИ

Былое, прошлое, иное...
И ноет сердце ностальгией,
И переходят в паранойю
Воспоминания нагие.

И ноги топчутся на месте,
И к тесту слов прилипли мысли,
И бьётся пульс раскатом жести,
Как гром в нахохлившейся выси.

На крысе бант, хотя он мальчик
И назван Яшкой в честь Свердлова.
Воспоминаний одуванчик
Развеял ветер быта снова.

Основа, стержень, правда-матка...
Украдкой выцветает фото,
Где я с мячом иль на лошадке,
И даже шевельнулось что-то.

И кто-то добрый и огромный
Меня кидает в поднебесье,
И я лечу к дыре озонной,
Но вдруг теряю равновесье...

В той пьесе было всё иное,
Иносказательнее было,
Там было выпить и съестное,
Но дождь прошёл, и память смыло.

И милым мне казалось детство,
В наследство вдруг досталась старость,
И неприятное соседство —
Непроходящая усталость.